

Николай Болдыцкий.

Памяти родныхъ писателей.

- 1) О творествѣ Мамина-Сибиряка.
- 2) Старая Пермь по произведеніямъ
Ф. М. Рѣшетникова.
- 3) А. А. Дмитріевъ, какъ авторъ
„Пермской Старины“

СЪ ТРЕМЯ ПОРТРЕТАМИ.

Цѣна 35 коп.

ПЕРМЬ.

Электро-типографія Губернскаго Земства.

1914.

891.

95-43 Николай Белдыцкий.

Памяти родныхъ писателей.

- 1) О творчествѣ Мамина-Сибиряка.
- 2) Старая Пермь по произведеніямъ Ф. М. Рѣшетникова.
- 3) А. А. Дмитриевъ, какъ авторъ „Пермской Старины“

СЪ ТРЕМЯ ПОРТРЕТАМИ.

Цѣна 35 коп.

ПЕРМЬ.
 Электро-типографія Губернскаго Земства.
 1914.

10225 x 2355 a
 0 x

Димитрій Наркизовичъ Маминъ-Сибирякъ.

О творчествѣ Мамина-Сибиряка.

I.

Сорокъ лѣтъ тому назадъ среди Петербургской литературной богемы появился блѣдный и худощавый юноша, студентъ медико-хирургической академіи. Тяжелая, беспросвѣтная нужда толкнула его на тернистый путь газетнаго репортерства и поставила въ ряды столичнаго литературнаго пролетаріата.

Юноша этотъ былъ уроженецъ нашего Урала, сынъ заводскаго священника и воспитанникъ Пермской духовной семинаріи—Димитрій Наркизовичъ Маминъ.

Явившись въ тѣсный и душный Петербургъ съ широкаго простора Уральскихъ горъ и лѣсовъ, юноша Маминъ терзался двойной мукой—мукой оторванности отъ страстно любимой имъ природы и мукой жизни впроголодь. Будущая гордость и слава нашего Урала вынужденъ былъ заниматься репортерствомъ, размѣниваться на строчки и только втайнѣ лелѣять мечту о настоящемъ творчествѣ.

Въ прекрасномъ произведеніи «Черты изъ жизни Пепко», имѣющемъ несомнѣнно автобіографическое значеніе, Маминъ въ цѣломъ рядѣ картинъ изобразилъ эту эпоху своей жизни. Только молодость и присущая ей жизнерадостность дали возможность съ безпечной улыбкой пройти эти годы страданія безъ озлобленія на судьбу, на людей, на жизнь. «Вспоминая прошлое,—говорить писатель,—я обобщаю свою молодость именно съ Пепкой и иначе не могу думать. Это былъ мой двойникъ, мое alter ego. Милый, Пепко, молодость, гдѣ вы?»...

Но кромѣ молодости газетнаго пролетарія поддерживала еще и сложная внутренняя работа талантливой природы. Въ глубинѣ души своей Маминъ въ эти годы вынашивалъ образы и

впечатлѣнія, которыми дарила его родина. Эти образы еще не облекались въ конкретныя формы, но они не давали покоя юношѣ, требовали обработки, рвались наружу.

Проходитъ длинный рядъ лѣтъ неустанной борьбы за кусокъ хлѣба; но Маминъ—человѣкъ борьбы. Малое количество свободнаго времени онъ отдаетъ обработкѣ тѣхъ уральскихъ впечатлѣній, которыя глубоко запали въ его душу. Результатомъ этой работы является первое крупное произведеніе — «На рубежѣ Азіи», помѣщенное въ «Устояхъ» за 1882 годъ.

Писатель нашель себя.

Послѣ этого на страницахъ нашихъ лучшихъ журналовъ появляется цѣлый рядъ романовъ и крупныхъ рассказовъ за подписью Мамина-Сибиряка. «Бойцы», «Приваловскіе миллионы», «Горное гнѣздо», «Первые студенты», «Уральскіе рассказы», «Три конца», «Братья Гордѣевы», «Золото», «Хлѣбъ» — непрерывной цѣпью выходятъ изъ подъ пера талантливаго писателя и завоевываютъ себѣ широкій кругъ читателей.

Этимъ цикломъ произведеній, посвященныхъ жизни Урала, Маминъ-Сибирякъ какъ бы открылъ Америку. Въ русской литературѣ зазвучала новая тема, открылся новый, невѣдомый ранее міръ. Мастерской кистью на огромныхъ полотнахъ набрасывались оригинальныя, полныя внутренняго содержанія и жизни картины Урала. Передъ русской читающей публикой выросъ не простой этнографъ, бытописатель, но художникъ, психологъ! вдумчивый наблюдатель. И какую богатую жизнь развернулъ онъ на великолѣпно отдѣланномъ фонѣ суровой уральской природы,

Всѣ стороны сложной и многогранной жизни нашего Урала отразилъ писатель-художникъ въ своихъ произведеніяхъ. И какихъ только типовъ не видимъ мы въ твореніяхъ, посвященныхъ нашему краю. Хищная администрація уральскихъ заводовъ, крупные собственники, выродившіеся потомки прежнихъ богатырей, забитое и закабаленное уральское крестьянство, старатели, мастеровые, мечтатели-скитники, неунывающіе представители богемы, разные взыскующіе града и т. д., и т. д. Какое разнообразіе и богатство типовъ и какая тонкая психологія въ изображеніи ихъ! Строгій реалистъ—Маминъ всегда вѣренъ истинѣ и его лиризмъ такъ согласуется съ укладомъ уральской

жизни и уральской природы, поэзію которой онъ впиталъ въ себя съ дѣтства. Но кромѣ того, какъ справедливо отмѣтилъ Г. С. Петровъ, — Маминъ и большая умница. «Читая страницу за страницей произведенія Мамина, вы не можете не замѣтить, что писатель, помимо таланта, кромѣ красочности и жизненности пера, еще и человекъ большого ума. Отдѣльныя попутныя замѣчанія, сравненія, мѣткія выраженія, фразы и даже иные слова щедро разсыпанныя, говорятъ о сильномъ умѣ».

За Маминымъ, съ легкой руки критика Скабичевского, установилась кличка пессимиста.

Я не знаю ничего несправедливѣе подобнаго опредѣленія. Развѣ изображаетъ бѣдность да несовершенство жизни нашей, значитъ быть пессимистомъ? Въ такомъ случаѣ всѣ великіе русскіе писатели глубокіе пессимисты, такъ какъ всѣ они только и говорятъ, что о бѣдности и несовершенствѣ жизни нашей, ибо бѣдность и несовершенство составляютъ основу нашей жизни. Нѣтъ, Маминъ не пессимистъ, но въ изображеніяхъ своихъ онъ не могъ пройти мимо темныхъ сторонъ, которыми такъ богата жизнь русскаго народа. Кромѣ того не надо забывать, что нашему писателю пришлось наблюдать населеніе Урала въ періодъ великой разрухи, когда на смѣну старому укладу жизни вставалъ новый. Населеніе почти отъ патриархальнаго быта сразу переходило къ капиталистическому строю. Совершалась великая ломка и какъ всегда бываетъ въ переходныя эпохи, страдающимъ объектомъ являлся народъ. Много было темнаго въ прошломъ, но не все было тамъ темно. Лучшія стороны славянской націи могли проявлять себя только при патриархальномъ укладѣ жизни и великая заслуга Мамина-Сибиряка, сумѣвшаго подмѣтить и зафиксировать многія свѣтлыя проявленія ищущихъ русскихъ натуръ и любвеобильныя сердца простыхъ русскихъ женщинъ.

Вдумчивый наблюдатель — Маминъ видѣлъ, какъ сокрушались устои прошлаго, со всѣми ихъ свѣтлыми и темными проявленіями, но новыя формы жизни несли съ собою только однѣ темныя стороны и въ качествѣ культуртрегеровъ явились хищники и люди менѣе всего думающіе о моральной и духовной сторонахъ жизни.

Убѣжденный пессимистъ не могъ бы подмѣтить глубину и сущность любящаго русскаго сердца, какъ это сдѣлалъ Маминъ. Возьмемъ наудачу его чудную миниатюру «Могилки», гдѣ онъ бесѣдуетъ съ старушкой, которую часто встрѣчалъ на старобрядческомъ кладбищѣ.

Разсказывая со спокойной улыбкой о звѣрствѣ надъ собой покойнаго мужа, старуха болѣе всего боится, что ей «не замолить грѣха мужа, ужъ больно большой супостатъ былъ. Я то простила, а какъ-то тамъ на небесахъ!..»

Развѣ эта старая раскольница не символизируетъ собой долю нашей русской женщины, этой вѣковѣчной работницы и страдальцы, съ вѣчно любящимъ и всепрощающимъ сердцемъ? Нѣтъ, писатель, такъ тонко подмѣтившій эту національную черту, не можетъ быть названъ пессимистомъ.

А взглядъ Мамина на нашихъ забитыхъ и вымирающихъ инородцевъ, передъ которыми такъ повинна наша «гуманная» цивилизація?

Передъ отправкой чусовскаго каравана Маминъ наблюдаетъ бурлаковъ и его вниманіе невольно привлекаютъ жалкія фигуры забитыхъ башкиръ и пермяковъ, этихъ людей, плохо понимающихъ русскій языкъ и приговоренныхъ исторіей къ истребленію.

Такъ можетъ чувствовать не пессимистъ, а вдумчивый и серьезный наблюдатель, болѣющий каждымъ фибромъ своего существа за жертвы жестокаго, неумолимаго, но логичнаго хода исторіи...

Я рискую никогда не кончить, если возьмусь приводить еще доказательства о сердечности писателя и его раздумьи надъ тяжелыми сторонами жизни.

Съ полнымъ основаніемъ Маминъ-Сибирякъ можетъ быть названъ пѣвцомъ дикой и чудной природы Урала, ея поэтомъ и истолкователемъ. Картины природы Урала художникъ щедро разбросалъ во всѣхъ своихъ уральскихъ произведеніяхъ. По силѣ и яркости изображенія въ этомъ отношеніи его смѣло можно сравнить съ Тургеневымъ, этимъ пѣвцомъ природы центральной Россіи. Нашъ писатель любовно и вдохновенно отгѣнилъ всѣ особенности природы края и подъ его перомъ оживаютъ и бѣдныя ночи Сѣвера, мощь и грозная красота горныхъ вершинъ

Урала, чистота и прозрачность гэрныхъ ручьевъ, жуть безконечной тайги, ширь нашихъ рѣкъ, звѣздная бездна неба, ароматы и пѣсни лѣсовъ...

Раскройте, на примѣръ, его «Горное гнѣздо», гдѣ вы найдете немало чудныхъ описаній уральской природы. Вспомнимъ хотя бы то мѣсто, гдѣ владѣлецъ заводовъ, въ первый разъ удосужившійся посѣтить свои вотчины, проводитъ въ горахъ, среди своихъ неоглядныхъ владѣній, трое сутокъ на охотѣ. Уральскаго набаба окружаетъ соответствующая свита, состоящая изъ интригующихъ управляющихъ и цѣлой своры паразитовъ. Описание природы, среди которой проводитъ время это общество, прямо великолѣпно.

Но были ли въ свитѣ набаба достойные цѣнители этихъ волшебныхъ красотъ? Увы! Писатель подчеркиваетъ, что набабъ и свита на всѣ эти чудеса смотрѣли «ковыряя въ носу» и помышляя только объ ѣдѣ и питьѣ.

И какъ много найдется людей, на которыхъ всѣ чудеса природы не въ состояннн оказать никакого воздѣйствія, какъ музыка на глухого. Но про нихъ не даромъ сказалъ поэтъ:

„Лучи имъ въ душу не сходили,
Весна въ груди ихъ не цвѣла,
При нихъ лѣса не говорили,
И ночь въ звѣздахъ—нѣма была!“

А какъ умѣлъ чувствовать и передавать нашъ писатель все обаяннє сѣверной весны, когда природа послѣ долгаго зимняго оцѣпенѣннн быстро пробуждается къ жизни и живетъ такъ интенсивно, точно хочетъ наверстать долгие мѣсяцы спячки...

II.

Въ юбилейные дни въ прессѣ мелькнуло сравненнє Мамина-Сибиряка съ моднымъ теперь у насъ американскимъ писателемъ Джекомъ Лондономъ. По моему мнѣннн, это отчасти справедливо и аналогнн здѣсь умѣстна. Между творчествомъ обоихъ писателей есть нѣкоторое сходство, но въ то же время есть и огромная разница. Къ однимъ и тѣмъ же явленннмъ оба писателя подошли съ разныхъ точекъ зрѣннн. Иначе оно и быть не могло. Славянское мнросозерцаннє, вѣчно ищущее, никогда не

успокаивающееся и стремящееся проникнуть въ суть вещей, съ отгѣнкомъ міровой скорби, всегда будетъ діаметрально противоположно міросозерцанію англо-сакса, установившемуся, выработанному разъ навсегда, спокойному и холодному.

Какъ и Маминъ — Лондонъ перомъ несомнѣнно большого художника рисуетъ природу Сѣвера, но Сѣвера несравненно болѣе суроваго, нежели нашъ. Величественныя картины «Бѣлаго безмолвія» у Лондона выходятъ удивительно прекрасными. У героевъ обоихъ писателей одна цѣль — золото и почти одинаковыя мѣста дѣйствія. Но мыслятъ и дѣйствуютъ они по разному. Выкованные изъ стали, сильные и жестокіе герои Лондона вездѣ остаются вѣрны самимъ себѣ — и въ пустыняхъ Сѣвера и въ центрѣ цивилизаціи. Они вездѣ являются господами положенія, всегда проявляютъ свою индивидуальность и нѣтъ въ мірѣ авторитета, передъ которымъ они склонили бы свою непреклонную голову. „Сынъ Свѣта“, герой и вдохновитель Клондайка, всю жизнь проведеншій среди дикарей и грубыхъ золотоискателей, ни боящійся, по его собственному выраженію, ни Бога, ни чорта, и вѣрящій только въ свою силу, въ концѣ-концовъ, со своими миллионами попадаетъ въ самый центръ кипучей цивилизаціи — Нью-Йоркъ. Казалось бы въ этомъ новомъ мірѣ, столь различномъ отъ пустынь Сѣвера, не грѣхъ было бы растеряться. Но Сынъ Свѣта быстро ориентуруется. Вглядываясь въ новыя условія, онъ, въ концѣ-концовъ, проводитъ полную аналогію между обоими полюсами жизни. И здѣсь, въ огромныхъ каменныхъ городахъ, идетъ такая же жестокая борьба за существованіе, какъ и тамъ, въ необозримой пустынѣ. И здѣсь живыя существа также дѣлятся на сильныхъ и слабыхъ. Сильные торжествуютъ и пожираютъ слабыхъ, какъ и тамъ. А потому и здѣсь царитъ одинъ и тотъ же жестокій законъ жизни: если не желаешь быть съѣденнымъ — ѣшь самъ. Жить достоинъ только сильный и горе слабымъ! И, посмотрите, какъ дѣйствуетъ Сынъ Свѣта, разъ только онъ усвоилъ себѣ этотъ взглядъ! Какъ сильный и увѣренный въ себѣ хищникъ выходитъ онъ на новую арену борьбы. Выдержка, приобрѣтенная имъ въ пустынѣ, энергія въ нападеніяхъ, хитрость и осторожность охотника, азартъ золотопромышленника — все эти качества оказались пригодными

и въ той утонченной борьбѣ, какую создала цивилизація большого города. И городскіе хищники, эти цари биржи, дѣлатели политики оказались слабѣ Сына Свѣта и были разбиты имъ...

Несомнѣнно, въ этомъ много романтизма, это, быть можетъ, красиво, но... какъ все грѣшитъ противъ реальной правды!

У нашего русскаго писателя нѣтъ такихъ яркихъ красокъ для изображенія сверхъ-человѣка, ибо настоящій русскій писатель всегда вѣренъ истинѣ, а наша сѣрая и нудная жизнь даетъ и героевъ того же колера.

Золотоискатели Мамина тамъ -- въ тайгѣ, также проявляютъ немало силы, энергій, смѣлости, но посмотрите на нихъ, что они представляютъ изъ себя внѣ привычной для нихъ обстановки. Вспомните, напр., рассказъ стараго маркера въ очеркѣ „Кладъ“.

Какъ далеки эти похождения пошехонцевъ отъ походовъ Сына Свѣта! И правдивый писатель не могъ изобразить ихъ въ иномъ видѣ, ибо дѣйствительно такова безпорядочная русская натура и изъ такихъ героев не выкроить красочныхъ Сыновъ Свѣта.

Возьмемъ другого эффектнаго героя Лондона—Волка Ларсена, этого Наполеона въ потенціи. Самъ авторъ, видимо, любитъ своимъ 37-лѣтнимъ красавцемъ, у котораго моральное чувство совершенно атрофировано и для котораго убійство есть простое тѣлодвиженіе. Какъ примитивно его міросозерцаніе.

— «Жизнь, — говоритъ Ларсенъ, — есть ферментъ, она должна пожирать другія жизни, чтобы жить и вся она есть только процвѣтающее свинство... Изъ всѣхъ дешевыхъ вещей, жизнь самая дешевая и природа разбрасываетъ ее всюду щедрой рукой».

Какой же конечный идеалъ у человѣка со столь несложнымъ взглядомъ на таинство жизни? Ларсенъ не скрываясь говоритъ, что мечта его пожить въ свое удовольствіе въ обстановкѣ вполнѣ обезпеченнаго свинства.

Не такъ смотрятъ на цѣнность жизни герои Мамина-Сибиряка. Вотъ безшабашный пьяница Савоська двадцать лѣтъ переживаетъ въ душѣ своей тяжелую драму изъ-за убійства въ глупой свалкѣ человѣка. Безшабашное его пьянство и явилось собственно послѣдствіемъ мученій совѣсти. Загубленная душа не

даеть покоя совѣстливому русскому человѣку. Въ тоскѣ идетъ онъ къ старцу, умоляя снять съ него грѣхъ. «Прими наказаніе за свой грѣхъ—тогда полегчаетъ!» О, съ какой радостью принялъ бы пьяница Савоська какое угодно наказаніе, чтобы только облегчить свою изстрадавшуюся душу, но вѣдь суды-то нынче милостивы и могутъ оправдать его за убійство, совершенное 20 лѣтъ тому назадъ. «Куда я тогда дѣнусь?»—въ ужасѣ и тоскѣ восклицаетъ Савоська и пьетъ... пьетъ.

Вотъ два взгляда на цѣнность жизни. Съ одной стороны—все дозволено сильному человѣку: бей, рази, убивай и ты правъ, въ случаѣ успѣха. Но, знай, что успѣхъ заключается въ свинствѣ. Съ другой—уважай ближняго, поддержи его, но да не поднимется рука твоя на него ни при какихъ обстоятельствахъ. Загубить чужую душу—значить, и свою обречь на гибель. Помни, что люди должны жить по Божьему закону, а живутъ они «для лучшаго». И человѣкъ долженъ «жить тысячью жизней, страдать и радоваться тысячью сердець—вотъ гдѣ настоящая жизнь и настоящее счастье».

Таково виѣшнее сходство и такова огромная разница между американцемъ Д. Лондономъ и русскимъ Маминымъ-Сибирякомъ.

Огромная разница явилась и въ общественной оцѣнкѣ ихъ произведеній. Красочныя, яркія творенія Джека Лондона съ героями сверхъ-человѣками и даже сверхживотными (какъ, напр., песь «Бѣлый Клыкъ») особенно пришлись по сердцу на нашей бѣдной и сѣрой родинѣ, гдѣ нѣтъ сверхъ-человѣковъ, а есть нудные, безвольные и скучные герои, иногда люди большого таланта, но таланта, такъ сказать, потенціального, ибо нѣтъ возможности произвести реализацію его. Люди словъ и безконечныхъ теоретическихъ разсужденій, люди исканія моральныхъ цѣнностей. вмѣсто свирѣпаго «Бѣлаго Клыка», этого сверхъ-пса-индивидуалиста, у насъ добрая, общительная, привязчивая и талантливая «Каштанка».

Русскую публику, одурманенную въ теченіе послѣднихъ лѣтъ нездоровыми испареніями декадентства, поразили и покорили герои Лондона—люди смѣлаго дѣйствія, инициативы, холодные, спокойные. Художественный талантъ Д. Лондона

еще болѣе придавъ очарованія его героямъ, хотя въ фабулѣ онъ многое почерпнулъ отъ Купера, Майнъ-Рида, Жюль-Верна.

Русская дѣйствительность сѣра, безрадостна и безпросвѣтна. И вполнѣ понятно, что при общей придавленности и безнадежности русскій читатель накинулся на яркаго американца, у котораго все такъ просто и красиво. Но русская публика забыла, что у насъ есть свой Джекъ Лондонъ, быть можетъ не столь яркій, но рисующій русскую дѣйствительность. Не вина писателя, если тамъ въ свободныхъ странахъ живутъ и дѣйствуютъ Сыны Свѣта, Дочери Снѣговъ, Волки Ларсены, а у насъ пьяницы Савоськи, самодуры золотопромышленники, скромныя русскія женщины съ сердцемъ, умѣющимъ только прощать...

III.

Вообще русская публика и русская критика глубоко повинны передъ Маминымъ-Сибирякомъ. Критика почти замолчала этотъ крупный самобытный талантъ, а отъ друга-читателя онъ не получалъ отклика. Не поразительное-ли въ самомъ дѣлѣ явленіе: сорокъ лѣтъ непрерывно давалъ писатель на страницахъ лучшихъ нашихъ журналовъ талантливыя произведенія, открывалъ публикѣ невѣдомыя ранѣе области, писалъ прекрасныя дѣтскіе рассказы, имѣлъ огромное количество читателей—и все же прошелъ почти неотмѣченнымъ нашей критикой! Живой связи между читателемъ и писателемъ не установилось. За послѣдніе годы о Маминѣ даже забыли. А какое количество литературнаго ничтожества за эти годы ставилось на пьедесталъ, разбиралось и превозносилось критикой!

Какъ могло это случиться?

На литературное поприще Маминъ выступилъ въ 80-е годы, не даромъ прозванные хмурыми. Реакція шла не только сверху, но она царилла и въ обществѣ. Хмурые люди жили въ сумеркахъ.

И этому поколѣнію, по словамъ поэта «проклятому Богомъ», юный писатель дарилъ свои свѣтлыя, благоухающіе ароматами уральскихъ лѣсовъ, творенія. Но ни яркость красокъ, ни тонкое пониманіе народной души, ни свѣжесть чувствъ—ничто не

могло тронуть «человѣка въ футлярѣ» и равнодушно отнесся онъ къ народненію несомнѣннаго таланта.

Писателя первое время мало смущала эта холодность, онъ чувствовалъ, что многое еще долженъ высказать и продолжалъ горѣть въ мукахъ творчества и дарить неблагодарную русскую публику новыми и новыми твореніями, гдѣ талантъ его развертывался все шире и глубже. Но шли годы, критика молчала, а читатель почитывалъ и—тоже молчалъ.

Такъ шло до конца девяностыхъ годовъ. Русское общество какъ бы очнулось отъ долгаго и постыднаго сна; повѣяло весной. Вѣрный барометръ общественнаго настроенія—оживилась и литература. Она также хотѣла освободить себя отъ цѣпей условности, сбросить ветхія, надоѣвшія одежды и нарядиться въ новыя, болѣе яркія. Въ литературѣ явились новыя птицы и запѣли новыя пѣсни. Но у молодого поколѣнія не оказалось въ наличности достаточно силы и таланта, чтобы вѣско провозгласить новое слово и подготовленное безвременьемъ новое искусство оказалось больнымъ. Въ потугахъ творчества, въ поискахъ оригинальнаго молодая литература могла дойти только до эксцессовъ и затуманить головы вѣтренной толпы и, что всего печальнѣе, подростовающаго поколѣнія. Отъ символизма къ импрессионизму, отъ импрессионизма къ декадентству и, наконецъ, просто къ порнографіи судорожно бросалась литература модернъ. Началась какая-то дикая кабафонія, полная разнузданность чувствъ. Появились однострочныя поэмы о блѣдныхъ ногахъ. Въ звучныхъ стихахъ воспѣвалась прелесть сожителства съ козой, превозносилась однополая любовь, преподносился публикѣ, наконецъ, какой-то прямо бессмысленный рифмованный вздоръ.

Не лучше дѣло обстояло съ прозой. За весьма рѣдкими счастливыми исключеніями здороваго творчества писатели новой формаціи отдали обильную дань ничѣмъ не прикрытой порнографіи. Обнаженное тѣло цинично смотрѣло съ каждой страницы новыхъ произведеній, а мѣсто дѣйствія молодые авторы смѣло переносили въ номера, купальни, бани. Природа у новыхъ представителей литературы являлась побочно, въ качествѣ аксессуара, въ качествѣ фона, на которомъ отгѣнялось все то же обнаженное тѣло.

Какъ же реагировала русская публика на эту литературную вакханалию, та публика, которая, какъ никакъ, все же была воспитана на твореніяхъ великихъ русскихъ писателей?

Первое время читатель былъ ошеломленъ и даже подозрѣвалъ мистификацію. Но тутъ явились критики и апологеты новаго творчества. Въ сверхчеловѣческихъ и демоническихъ кривленіяхъ они улавливали глубокой и даже философской смыслъ; указывали на красоту тамъ, гдѣ здоровое эстетическое чутье должно бы находить лишь паденіе и униженіе искусства.

И толпа повѣрила. Шумными рукоплесканіями привѣтствовала она представителей новаго творчества.

Трезвый реалистъ, носитель идеаловъ шестидесятыхъ годовъ, Маминъ-Сибирякъ одинокимъ и потеряннымъ оказался среди этихъ условій. Съ точки зрѣнія вѣтренной толпы и представителей новаго искусства, гордыхъ своимъ минутнымъ успѣхомъ, Маминъ представлялъ изъ себя какъ бы живой литературный анахронизмъ. Художникъ бытописатель—когда провозглашена смерть быту. Народникъ—когда пѣсенка народничества спѣта...

И смолкъ даровитый писатель.

Скромно отошелъ онъ въ сторону и покорно сталъ ждать естественнаго конца, ничѣмъ не напоминая о себѣ русскому обществу.

И забыло его русское общество.

IV.

Къ счастью увлеченіе новыми вѣяніями оказалось не долговѣчнымъ. Литературные самозванцы также быстро развѣнчивались, какъ быстро созидали себѣ мишурную славу. Широкие слои публики начали догадываться, что во всѣхъ этихъ демоническихъ кривляніяхъ отсутствуетъ здравый смыслъ, какъ отсутствовало платье на голомъ королѣ андерсеновской сказки.

За послѣднее время въ настроеніяхъ русскаго общества наблюдается новый сдвигъ и, несомнѣнно, внезапно пробудившійся интересъ къ Мамину является однимъ изъ симптомовъ этого сдвига. Выростаетъ сознаніе, что художественное изображеніе быта, здоровый реализмъ не могутъ быть сданы въ архивъ и

не пропало еще лебединой пѣсни народничество. И если необходимы новыя формы, то во всякомъ случаѣ, не въ такихъ уродливыхъ проявленіяхъ. Зрѣетъ сознаніе и того, что нельзя выбрасывать за бортъ весь багажъ прошлаго, ибо въ этомъ багажѣ есть и огромныя цѣнности, вѣчныя и всегда нужныя человечеству.

И русское общество вспомнило о Маминѣ-Сибирякѣ.

И прежде всего заговорила о немъ литературная интеллигенція, справлявшая за послѣдніе годы множество юбилеевъ, причемъ юбиляры нерѣдко насчитывали 15, 10 и даже 5 лѣтъ работы на литературной нивѣ. Литературные верхи вспомнили, что живъ даровитый писатель, работающій 40 лѣтъ и не справившій еще ни одного юбилея.

Въ газетахъ замелькало имя Мамина-Сибиряка и созрѣла мысль о достойномъ чествованіи его.

И какъ только было произнесено это имя—сразу открылось, что у писателя есть широкіе круги читателей. Съ разныхъ концовъ Россіи отозвались читатели-друзья. Но горячѣе и поднѣе всѣхъ откликнулся родной ему и воспѣтый имъ Уралъ. Пермь и Екатеринбургъ не замедлили послать свои адреса.

Пермскій научно-промышленный музей, отмѣчая значеніе дорогого юбиляра, какъ художника бытописателя Урала, подводилъ итоги и другимъ, болѣе важнымъ сторонамъ литературной дѣятельности Мамина-Сибиряка. «Вы, говорилось въ адресѣ, — дороги и близки намъ не только какъ бытописатель нашего края, но и какъ большой художникъ, въ многочисленныхъ произведеніяхъ котораго многогранная русская жизнь нашла свое вѣрное отраженіе... Благодарностью къ вамъ преисполнены и сердца маленькихъ читателей, давно уже привыкшихъ съ любовью произносить имя своего друга, имя автора «Аленушкиныхъ сказокъ», «Дѣтскихъ тѣней»...

Готовилось грандіозное торжество. Печать говорила о заслуженномъ праздникѣ.

Но, увы! Русское общество слишкомъ поздно вспомнило о своемъ писателѣ и слишкомъ поздно захотѣло выразить ему дань признательности за его свѣтлыя и чистыя творенія.

Писатель умиралъ.

Депутация изъ лучшихъ представителей нашей литературы читала свои адреса челоѡку, уже отмѣченному печатью смерти. Счеты съ землей были покончены и умирающій юбиляръ не могъ уже реагировать.

«Какъ жутко было,—передаетъ свои впечатлѣнїя одинъ изъ участниковъ торжества,—смотрѣть на эти запоздалые привѣты, которые были бы еще года два тому назадъ такой радостью для умирающаго, а теперь звучали бессмысленной и злой насмѣшкой. Кому они были нужны? Ни ему, ни семьѣ, ни свидѣтелямъ похороннаго праздника».

Обидно и горько за писателя.

Стыдно за русское общество.

Невольно вспоминаются стихи Добролюбова, какъ будто написанные для настоящаго случая:

«Пускай умру — печали мало!
Одно страшить мой умъ больной,—
Чтобы и *смерть* не разыграла
Обидной шутки надо мной:
Боюсь, чтобъ надъ холоднымъ трупомъ
Не пролилось горячихъ слезъ,
Чтобъ кто-нибудь въ усерды глупомъ
На гробъ цвѣтовъ мнѣ не принесъ.
Чтобъ безкорыстною толпою
За нимъ не шли мои друзья...
Чтобъ подъ могильною землею
Не сталъ любви предметомъ я...
Чтобъ все — чего желалъ *такъ* жадно.
И такъ напрасно я,—живой, —
Не улыбнулось мнѣ отрадно.
Надъ гробовой моей доской...

Въ культурныхъ странахъ умѣютъ при жизни цѣнить таланты, бережно и любовно относиться къ нимъ. Мы же слишкомъ расточительны въ этомъ отношенїи и дары свои положили къ ногамъ умирающаго, такъ много даващаго намъ, челоѡка. Въ этомъ великая трагедїя русскаго писателя, это огром-

ный урокъ намъ, не умѣющимъ беречь и поддерживать своихъ избранниковъ при жизни.

«Любить умѣемъ мы только мертвыхъ»...

Будемъ же благодарны свѣтлой памяти этого большого и сильнаго таланта и будемъ гордиться, что нашъ дикій и прекрасный Уралъ изъ нѣдръ своихъ далъ такого сына Россіи.

Старый Цермъ.

Федоръ Михайловичъ Рѣшетниковъ.

Сынъ историческаго живописца и живописца, старшаго сына губернскаго товарища...
После смерти отца своего, Иванъ и Александръ были, пожелавши вести
хозяйство раздѣлившись между собой на три части и съ каждымъ
своею братьями, старшимъ Александромъ. Рядомъ пожелавши
они житься съ другими братьями и въ пору, когда пожелавши
принять жизнь, братья старались, чтобы, какъ въ преемствѣ, въ рукахъ
своей оставили она уродливъ. Горько поразило, пожелавши...
Она глубоко сомнѣвается, что въ дѣлѣ жизни, какъ въ дѣлѣ
она больше нежелавши... и въ желавши...
какие друзья бурлаковъ, которые утверждали

Старая Пермь.

По произведеніямъ ф. М. Рѣшетникова.

...Еще рабы страстей,
Все-жъ лучше мы отцовъ, а также наши внуки
Достойнѣй будутъ насъ названія людей».

Изъ стихотворенія Якубовича.

Какъ хороша будетъ жизнь лѣтъ черезъ двѣсти!

Изъ Чехова.

I. Городъ и рѣка.

— «Эко баско! Ай да Перма-Магушка! Вотъ дакъ городокъ! Гли, церквей то што, домовъ бѣлыхъ...

— «Супротивъ Перми да Елабуги ужъ не будетъ такихъ городовъ.

— «Это, бають, губерня, потому, бають, все наибольшіе живутъ, страшные такіе... Всѣмъ городамъ правятъ и Чусова тоже на Перму молится...

Съ такой восторженною почтительностью привѣтствовали бурлаки раскинувшійся передъ ихъ глазами губернской городъ. Наивныя дѣти лѣсовъ, Пила и Сысойка, были подавлены великолѣпнѣемъ развернувшейся передъ ними картины и съ палубы своей барки смотрѣли, словно очарованные. Робко поднялись они вмѣстѣ съ другими бурлаками въ гору, робко пошли по срединѣ дороги, боясь испачкать «поль», какъ въ простотѣ души своей называли они тротуары. Городъ поразилъ, подавилъ ихъ. Они глубоко сомнѣвались, что на свѣтѣ могутъ существовать еще болѣе великолѣпные города и съ недоувѣріемъ слушали рассказы другихъ бурлаковъ, которые утверждали:

— «Вотъ Нижній есть городъ—огромаднѣющій! А этотъ, супротивъ Нижняго—пигалича!

Послушаемъ же теперь одного изъ самыхъ правдивѣйшихъ и точнѣйшихъ бытописателей и посмотримъ, что представляла изъ себя на самомъ дѣлѣ Пермь въ пятидесятыя и шестидесятыя годы минувшаго столѣтїя.

— «По правдѣ сказать,—пишетъ Рѣшетниковъ въ «Подлиповцахъ»—городъ этотъ неказистъ, жители бѣдные, хорошіе дома построены большей частью на одной Сибирской улицѣ».

Топографическія описанія Перми Рѣшетниковымъ щедро разбросаны, какъ въ большихъ, такъ и мелкихъ его произведенїяхъ, причемъ, Пермь часто именуется одной заглавной буквой П., или городомъ Орѣхомъ, а Кама рѣкой «Дугой». Бытописатель далъ намъ картину не только города, но и его «Слободокъ».

Неказистая получилась картина!

Чтобы реставрировать ее, надо мысленно перенестись въ то не слишкомъ отдаленное отъ насъ время, когда не было еще желѣзной дороги, ни устроенныхъ береговъ, ни садовъ, ни мостовыхъ, ни электрическаго освѣщенїя. Пермь утопала въ грязи и своимъ видомъ ничѣмъ не отличалась отъ захудалыхъ провинціальныхъ городовъ.. «Городъ Пермь—характеризуетъ ее Рѣшетниковъ въ рассказѣ «Бѣлуга»,—ничѣмъ не знаменитъ, ничего не произвелъ: ни худого, ни хорошаго. Нельзя сказать чтобы люди въ немъ благодушевствовали, а живутъ, какъ говорится, ни шатко, ни валко, ни на сторону». Движенїя на улицахъ Перми было очень мало, и обычно городъ казался, какъ бы вымершимъ. Только весной съ приходомъ чусовскихъ каравановъ онъ оживлялся отъ появленїя множества бурлаковъ. Только тогда на улицахъ можно наблюдать толпы народа; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ бурлаки кучками сидѣли на тротуарахъ или прямо на травѣ около деревянныхъ заплотовъ, гдѣ дружно выпивали и закусывали; по улицамъ они бродили группами: «одни несутъ лапти, другїе коты, третїй претъ пять ковригъ хлѣба на спинѣ, обвязавъ ихъ веревкой; двое тащутъ на палкѣ брюшину, осердїе, старую почти засохшую говядину. Попадаются пьяные». Но особенно оживлялся грязный въ дождь и пыльный въ жару Черный рынокъ, на которомъ надъ всеми ароматами доминировалъ

запахъ знаменитыхъ печорскихъ сиговъ. Харчевни и питейныя лавочки были полны бурлаковъ, которые, наугощавшись, разгуливали по улицамъ губернскаго города и горланили пѣсни.

Но кончался сплавъ, и Пермь вновь принимала свой спящій и какъ бы вымершій видъ. Снова сонная одурь водружалась на пустынныхъ улицахъ.

Если такой безотраднѣй видъ имѣлъ самый городъ, то еще болѣе жалкими являлись его «слободки»: Солдатская, Слудка и Подгорная, на берегу Камы, подъ женскимъ монастыремъ. Вотъ, напр., какъ описываетъ Рѣшетниковъ послѣднюю въ рассказѣ «Шилохвостовъ»: «дома и избышки здѣсь были до того стары, что многіе изъ нихъ подпирались бревнами. Домохозяевами были рыбаки и харчевницы, а жили у нихъ круглый годъ бѣдные писцы, мѣщане... Весной домишки заливались водой».

Общественныхъ развлеченій Пермь того времени почти не знала, если не считать бульвара, гдѣ и тогда уже начинала играть музыка, причемъ, музыкантами являлись гарнизонные солдаты. «Но публики, — говоритъ Рѣшетниковъ въ повѣсти «Между людьми», — собиралось мало, да и то около ротонды, гдѣ играли солдаты. Другой музыки въ нашемъ городѣ не было. Позднѣе явился плохонькій оркестръ, но этотъ оркестръ игралъ только въ благородномъ собраніи для аристократіи». Эти «аристократическіе» балы сильно занимали простыхъ пермяковъ, которые цѣлыми толпами осаждали окна собранія, гдѣ привилегированныя классы отплясывали подъ звуки дряннаго оркестра. Молодежь изъ простаго народа старалась перенять эти танцы и отплясывала ихъ тутъ же подъ окнами собранія, пока полиція не разгоняла кулаками «подлый» народъ.

Такъ какъ гулянье на бульварѣ не прививалось, то попробовали перевести его въ другое мѣсто, и былъ выбранъ высокій берегъ Камы, съ котораго открывался обширный видъ на окрестности. Тамъ-то и возникъ знаменитый «Козій Загонъ», гдѣ два раза въ недѣлю начала играть музыка, на которую обыватели, по словамъ бытописателя, «выползали изъ своихъ норъ и, позѣвывая, «тащились». Тамъ была устроена загородка, или на мѣстномъ жаргонѣ «Загонъ». Интересна исторія возникновенія этого «Загона», иллюстрирующая нравы того времени.

«Возникъ онъ,—повѣствуетъ Рѣшетниковъ,—благодаря сообразительности единственнаго въ этомъ городѣ генерала-губернатора. Пришелъ онъ на берегъ. Мѣстность понравилась ему. Пошелъ въ другой разъ, третій. Городъ подивился, зачѣмъ это губернаторъ на берегъ ходить? Пошли пять человѣкъ и испугались губернатора. Приказалъ онъ сдѣлать загородку и насадить деревья. Городъ понялъ въ чемъ дѣло и посмѣялся надъ такой штукой. Березки эти скоро обглодали козы, и народъ сталъ ходить къ рѣкѣ, не чувствуя никакого удовольствія, а наблюдая за баррами, какъ тѣ ходятъ, какіе на нихъ наряды, не остушится ли кто-нибудь и т. п., а послѣ гулянья чиновники рассказываютъ дома, какъ какой-нибудь невѣжа наступилъ на помело барышни, и какъ та обозвала его дуракомъ. Теперь народъ собирается для музыки, большинство смотреть на музыкантовъ, остальные ходятъ. Мелкіе чиновники стѣснялись быть въ «Загонѣ» потому, что тамъ гуляло парадное начальство. Чтобы привлечь еще больше народу, губернаторъ разъ съ ватагою передовыхъ людей города извоили спуститься пѣшкомъ съ горы, прокатиться въ лодкѣ, замочить по неловкости свои брюки и опять взбѣжать на гору. Такой штуки отъ него не ожидали,—подивились, и въ другой разъ народу собралось больше, но ужъ штуки не вышло, и губернатора въ этотъ день не было. Просвѣщенные люди стали говорить, что теперь всѣ городскія сословія стали сливаться воедино».

Но все же гулянье въ «Козьемъ Загонѣ» нѣкоторое время получило права гражданства, и здѣсь возникъ даже кафе-ресторанъ, а потомъ одинъ предприниматель открылъ аллегри, имѣвшее въ первое время большой успѣхъ у пермяковъ.

Несмотря на такой прогрессъ, Пермь мало ожила.

— «Городъ нашъ, говоритъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ очеркѣ «Глухія мѣста»—несмотря на то, что стоитъ на бойкомъ мѣстѣ, нисколько не подвигается впередъ. Если же что и печатаютъ о просвѣщеніи въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ», такъ это вздоръ,—только потѣшаются господа.

— «Ну ужъ и городъ! И живутъ-то въ немъ ровно не люди!—Такъ резюмировали свои наблюденія, уѣзжающіе изъ Перми солдаты, въ эскизѣ «На палубѣ».

«Пермь, — поясняетъ авторъ, — они за то не любятъ, что тамъ имъ показалось, что народъ какой-то грубый, гордый; въ ней они не видѣли никакой промышленности, никакого движенія».

Оставимъ теперь городъ и посмотримъ, что представляла изъ себя во времена Рѣшетникова наша красавица Кама, на которой нынѣ кипитъ такая дѣятельность и которая является одной изъ главныхъ жизненныхъ артерій края.

Рѣка вполне соответствовала городу. Оживленіе на ней замѣчалось только во время прибытія чусовскихъ каравановъ. Пароходство едва начиналось, и Пермь, при отсутствіи желѣзнодорожныхъ путей, напоминала тотъ городъ, изъ котораго, по выраженію гоголевскаго героя, — хоть три года скачи — ни до какаго государства не доскачешь! Путешествіе на пароходахъ представляло мало привлекательнаго, такъ какъ обстановка и условія, при которыхъ приходилось совершать путь, только утомляли невольныхъ путешественниковъ. Вотъ непосредственное описаніе удобствъ парохода «Искра», рейсирующаго до Чердыни: «это маленькій пароходъ, въ первомъ и второмъ классахъ помѣстится не больше 10 человѣкъ въ каждомъ и, какъ водится, второй классъ хуже перваго. Если въ немъ сядутъ шесть человѣкъ, то седьмому пройти къ столу довольно трудно. Шести человѣкамъ въ немъ спать нужно сидя. Первый классъ немного просторнѣе. На палубѣ, кромѣ капитана, лоцмана и рабочихъ, можетъ помѣститься много-много человѣкъ тридцать. Изъ Перми до Усоля берутъ за первый классъ 5 р., за второй 4 р. и за палубу 2 р. 50 к. съ человѣка. На палубѣ было съ нами двадцать человѣкъ пассажировъ. Въ первомъ классѣ былъ одинъ В. Такъ какъ г. В. въ губернскомъ городѣ имѣетъ большое вліяніе, то изъ прочихъ пассажировъ, ниже его по чину и общественному положенію, никто не шелъ въ первый классъ. Во второмъ классѣ было пять человѣкъ мужчинъ и четыре дамы. Такъ какъ девяти человѣкамъ во второмъ классѣ сидѣть невозможно, то всѣ мужчины бились на палубѣ, а женщины въ каютѣ. На палубѣ есть четыре скамейки. 15 человѣкъ сидѣли, остальные, за недостаткомъ мѣста, стояли, да и тѣхъ просили сторониться рабочіе, проходящіе отъ носа къ кормѣ и обратно». Ночью вся эта публика вповалку спала на полу палубы, стараясь защи-

титься отъ искръ, вылетающихъ въ изобиліи изъ трубы. При этомъ надо добавить, что провизіей пассажирамъ надлежало запасаться въ Перми, такъ какъ на пристаняхъ ничего достать нельзя было.

Немногимъ лучше обставлялось путешествіе до Нижняго. Это плесо обслуживалось обществомъ «Кавказъ и Меркурій», пароходы котораго хотя и лучше «Искры», но съ современной точки зрѣнія были лишены не только комфорта, но даже и минимальныхъ удобствъ. «На кормѣ подъ сѣткой,—описываетъ Рѣшетниковъ,—хорошо быть на серединѣ, а по краямъ нужно опасаться за свою одежду. Хотя днемъ искръ и не видать, но на кормѣ воняетъ жженымъ ежеминутно. Горитъ кто-то!—кричатъ гдѣ-нибудь. Кто горитъ? Оглядываютъ свою одежду: маленькій уголекъ вертитъ или пальто или шинель, и на нихъ образовалась уже не одна дыра. Ночью видно, какъ изъ трубы вылетаютъ миллионы маленькихъ продолговатыхъ искръ; они, эти маленькіе уголки, развѣваемые вѣтромъ, сыплются въ воду, на сѣтку и падаютъ съ боковъ на палубу. Упадетъ уголь на рогожу—горитъ рогожа, палъ на одежду—горитъ одежда».

Палубный міръ на этихъ пароходахъ раздѣлялся на двѣ части: кормовую и носовую. «Разница между ними,—объясняетъ Рѣшетниковъ,—только та, что на носу нѣтъ сѣтки, искры тамъ не жгутъ, зато дуетъ постоянно вѣтеръ и холоднѣе, чѣмъ на кормѣ. Зато около этихъ пассажировъ постоянно сидитъ аристократія изъ 1-го и 2-го класса. На носу такія же квартиры, полулежащее сидѣніе, сонъ ночью на полу подъ кожами и рогожами, чай и ѣда въ одно время съ кормовыми. Пассажиры на носу не знаютъ пассажировъ на кормѣ и наоборотъ. Какъ у кормовыхъ, такъ и у носовыхъ есть свои знакомые, своя скука, еще хуже, потому что на нихъ постоянно смотрятъ аристократы. Кормовые смѣются надъ носовыми: «ладно ихъ тамъ продуваетъ—на самомъ на челу сидятъ». Со своей стороны и носовые смѣются кормовымъ: «ладно ихъ тамъ жжетъ искрами!».

Обращеніе съ пассажирами, особенно съ рабочимъ людомъ, было самое безцеремонное. Рабочимъ и бурлакамъ даже билеты не выдавались, и пароходный служащій пятналъ ихъ мѣломъ, ставя на спинахъ большіе кресты. «Для чего вы это дѣлаете?»—

спросилъ Рѣшетниковъ. — «А что-бъ не убѣжали. Теперь съ нихъ деньги я взялъ, а такъ какъ мы билетовъ имъ не даемъ, то на пристаняхъ и будемъ отличать мѣченныхъ отъ немѣченныхъ».

Рабочіе уже смирились съ такимъ пятнаньемъ, и оно имъ даже нравилось. Авторъ подхватилъ такой діалогъ:

— «Лекша!

— Э!

— Пятнали те?

— Чаго?

— Пятнали, бають тѣ, спину? Поди подставь ее.

И непятнанный бѣжитъ скорѣе запятнаться.

Рабочихъ обыкновенно скучивали въ опредѣленномъ пространствѣ и не позволяли переходить съ мѣста на мѣсто.

Второй и третій классъ, конечно, представляли болѣе удобствъ, но скука и сонная одурь, при отсутствіи какихъ бы то ни было разумныхъ развлеченій, при отсутствіи книгъ и газетъ, дѣлали поѣздку на пароходахъ того времени мало привлекательной, дорогой (второй классъ до Нижняго 22 р.), а потому пермяки пускались въ путешествія только въ силу крайней необходимости.

II. Быть низовъ Пермскаго общества.

Какъ же проходила жизнь въ Перми эпохи отцовъ и дѣдовъ нашихъ, тяготились ли они безсодержательностью и убогостью своей жизни или же смирились съ ней и не желали ничего лучшаго. Произведенія Рѣшетникова и на эти вопросы даютъ обстоятельные отвѣты.

«Въ Перми всѣ довольны своей жизнью, — пишетъ онъ въ очеркѣ «На палубѣ», — а что скучно — говорятъ рѣдкіе здѣшніе люди».

А вотъ фонъ, на которомъ обывательская жизнь пермяковъ вырисовывала свои несложные узоры: «у орѣховцевъ (т. е. пермяковъ), — свидѣтельствуется авторъ въ томъ же очеркѣ, — существуютъ двѣ страсти: у мужчинъ водка, у женщинъ — мелкіе кедровые орѣхи, а такъ какъ мужчины и женщины другъ съ другомъ связаны узами брака или любовными дѣлами, то трезвые мужчины забавляются, между прочимъ, орѣшками, а женщины, глядя-

на пьяныхъ мужей, напиваются и сами. Проще: орѣхи и водка главные развлечения; ни гости, ни гулянье, ни чаепитіе за рѣкой безъ этихъ двухъ угощеній не обходятся».

При отсутствіи какихъ бы то ни было духовныхъ интересовъ, при отсутствіи промышленности, жизнь низовъ Пермскаго общества представляла изъ себя картину повстинѣ безотрадную и безпросвѣтную.

Горечь жизни давала чувствовать себя съ ранняго дѣтства. Дѣти мѣщанъ и мелкихъ служащихъ росли безъ всякаго призора, и ежедневная порка была удѣломъ почти cadaго вступающаго въ жизнь пермяка. Побои, грубая ругань, голодовки — неизмѣнные спутники подростающаго поколѣнія. Школа того времени вносила новыя трагическія черты въ эту невеселую жизнь. «Объ умственномъ развитіи, — говоритъ Рѣшетниковъ въ своемъ автобіографическомъ произведеніи «Между людьми», — учителя не заботились, а учили насъ въ зубряжку и ничего не объясняли. Учителя считали за наслажденіе драть насъ. Здѣсь бѣгали отъ классовъ по крайней мѣрѣ двѣ трети учениковъ. Это были дѣти самыхъ бѣдныхъ родителей — мѣщанъ и чиновниковъ».

Замѣчательно, что съ нѣжныхъ дѣтскихъ лѣтъ у пермяковъ развивался какой то инстинктивный сословный антагонизмъ, который въ зрѣлыя годы укрѣплялся сильнѣе и реализовался въ злобномъ отношеніи къ привилегированнымъ классамъ. Пермякъ не могъ бы высказать словами своихъ чувствъ, но ненависть, именно инстинктивная ненависть, крѣпко гиѣздилась въ его душѣ. Быть можетъ, тутъ главную роль играло сравненіе своей безпросвѣтной и безрадостной жизни съ бросающимся въ глаза довольствомъ правящихъ классовъ. «Я наблюдалъ, — говоритъ Рѣшетниковъ, — что когда шелъ губернаторъ или какой-нибудь предсѣдатель, — народъ сторонился и этотъ же народъ не одобрялъ ихъ; я видѣлъ также, что всѣ эти важные люди ѣздили въ каретахъ, приказывали брать въ часть пьяныхъ, распекали на улицахъ бѣдныхъ людей; я видѣлъ, что эти люди важничали, гордо говорили съ людьми ниже ихъ положеніемъ, какъ обѣгали ихъ тѣ, которые небогато одѣты. Я и товарищи мои по училищу всячески старались передразнивать ихъ; кромѣ этого, товарищи рассказывали про нихъ разные анекдоты».

Но активно проявлять свою антипатию взрослымъ, конечно, дѣти демократическихъ слоевъ не рѣшались и отводили свою инстинктивную ненависть на своихъ сверстникахъ-воспитанникахъ болѣе привилегированныхъ учебныхъ заведеній. «Мы, — даю опять слово автору, — ненавидѣли гимназистовъ по своему, тѣ ненавидѣли насъ потому, что мы были всегда сильнѣе ихъ. Они насъ называли бездомниками и разными неприличными именами, мы тоже дразнили ихъ, и между нами шла непримиримая вражда, и часто мы сильно били своихъ враговъ». Бѣда была господскому ребенку попасться на глаза юному демократу. Попадетъ, на примѣръ, баричъ, — вспоминаетъ Рѣшетниковъ, — я ему языкъ высуну. Онъ обидится, — я толкну его, шапку сорву и убѣгу. Конечно, это дѣлалось одинъ на одинъ, или толпа нашего брата напала на толпу баричей и тогда завязывалась драка, за которую насъ жестоко пороли».

Вообще, порка признавалась главнымъ воспитательнымъ факторомъ, къ которому прибѣгали не только учителя, но и родители пермяковъ. Жестоко пороли ребятъ за каждую ничтожную вину въ школѣ, но и дома не давали имъ спуска. Родители, погруженные въ свою каторжную работу, требовали, чтобы дѣти сидѣли смирно, не мѣшали взрослымъ и не рвали на себѣ одежды. Погруженные въ тьму невѣжества, родители со злобой встрѣчали въ ребенкѣ всякое проявленіе любознательности. Заинтересуетъ, на примѣръ, ребенка такое явленіе, какъ гроза, начнетъ онъ допытываться, откуда громъ, что такое молнія и получаетъ въ отвѣтъ сердитый крикъ: «молчи, щенокъ, — не твое это дѣло!». На дальнѣйшіе разспросы въ отвѣтъ получаетъ подзатыльники. «Какъ теперь помню, — говоритъ Рѣшетниковъ, — вся забота нашихъ родныхъ состояла въ томъ, чтобы мы во всемъ слушались ихъ, пересказывали все, что говорилось другими про нихъ, не знали съ тѣми, кого они не любили, меньше ѣли. При этомъ они говорили, что хотятъ изъ насъ сдѣлать подобіе себѣ и указывали на какого-нибудь служащаго молодого человека: «посмотри-ка, какой человекъ то сталъ! А вѣдь какъ били то его бѣднаго... Зато выучили!»...

При такой домашней обстановкѣ дѣти старались развлекаться внѣ дома, но пермская дѣйствительность не давала тогда

здоровыхъ развлеченій, и дѣти сталкивались лишь съ мрачными, отрицательными сторонами жизни. Однимъ изъ такихъ дѣтскихъ развлеченій являлись публичныя казни, производящіяся по субботамъ. Вотъ какъ описываетъ Рѣшетниковъ это зрѣлище: «Лишь только услышимъ мы барабанный бой—кричимъ: «грѣшника везутъ! и бѣжимъ на улицу. Изъ всѣхъ воротъ выходили мужчины, женщины и дѣти, — каждому хотѣлось взглянуть на грѣшника. Невольно и я побѣгу посмотрѣть. «Смотри, не долго! Я бы сходила, да некогда, — говоритъ мнѣ тетка. А въ толпѣ говоръ:

— Экое, подумаешь, наказанье! Подумаешь ты: вѣдь больно ему, бѣдному.

— Поди, кается голубчикъ!

— Ахъ, Машка, я и забыла грошикъ-то взять!.. Какъ я пойду съ пустыми руками: вѣдь неловко, какъ не бросишь на шафоть-то.

— Ну, я за тебя брошу.

— Нѣтъ, ужъ я своими руками.

— Говорять, что это палачъ себѣ беретъ.

— Ну, Богъ съ нимъ! Ты лучше нищему не подай.

— Ай, дяденька! За что его ведутъ-то?

— За воровство.

— Ишь ты. Вотъ, Анкудиниху такъ-то пробрать.

— Что Анкудиниху! Вонъ Тарасовъ что дѣлаеть»...

Можно себѣ представить, какъ отражались на дѣтской душѣ подобныя сцены, какъ ожесточали онѣ характеръ, заглушая то доброе, что вкладывается въ cadaго изъ насъ великой матерью природой.

Но вотъ кошмарное дѣтство бѣднаго пермяка кончалось. Безмысленное зубреніе, жестокия порки, ненависть къ мучителямъ — наставникамъ, — оставались тамъ, позади, проводя неизгладимый слѣдъ въ ожесточившейся и озлобленной душѣ юноши. Съ такой подготовкой онъ вступалъ въ жизнь.

«Счастливая, невозвратная пора дѣтство!». Какой проніей звучатъ эти слова великаго писателя земли русской въ отношеніи людей, пережившихъ дѣтство, обвѣянное, вмѣсто любви и теплаго участія, безмысленной злобой, бѣдностью и убогостью среды...

На что же могъ разсчитывать сынъ мѣщанина или мелкаго служащаго въ Перми? Людямъ бѣднымъ, по словамъ Рѣшетникова, очень трудно поступать на коронную службу. Вездѣ требовалась взятка при поступленіи, требовалась открыто и грубо. Самые бѣдные искали мѣста въ учрежденіяхъ вродѣ почтовой конторы. Кажется, на что незавидна была должность почталіона, но и за нее брали деньги. При этомъ надо добавить, что почталіонъ въ тѣ времена считался наравнѣ съ рядовымъ и обязывался служить двадцать лѣтъ! И люди добровольно лѣзли въ эту каторгу, да еще платили деньги! Уже это одно свидѣтельствуесть о полной безвыходности положенія низовъ пермскаго населенія. Рѣшетниковъ самъ хорошо ознакомился съ почтовымъ бытомъ и во многихъ своихъ произведеніяхъ раскрылъ намъ весь ужасъ этой службы. Быть мелкихъ служащихъ, конечно, былъ одинаковъ во всѣхъ учрежденіяхъ и, знакомя съ почтовымъ міромъ, авторъ, въ сущности, знакомилъ насъ вообще съ нравами низовъ Пермскаго населенія. Послѣдуемъ же за нашимъ бытописателемъ и взглянемъ, хоть мелькомъ, на житье-бытье низшихъ служащихъ.

Вотъ первыя впечатлѣнія молодого Макси въ разсказѣ того же имени. «Максью удивила обстановка почтовой жизни. Пьянство женщинъ, ругань ихъ, драки между собой и свободное обращеніе интересныхъ особъ съ мужчинами вскружили его голову.

— А, новичекъ, здравствуй! — сказала ему одна молодая дѣвица, когда онъ вошелъ къ семейному почтальону.

— Какъ зовутъ? спросила другая.

— Нашего поля ягода, — сказалъ одинъ почтальонъ.

— Кутейникъ! — прибавила третья женщина, хлопнувъ его рукой по плечу.

— Ну, обстригемъ.

— А когда спрыски будутъ? Позовешь? — приставала вторая женщина и закурила папирску съ корешками русскаго табаку.

— То-то. Мы тебѣ пѣсенку споемъ такую залихватскую!..

— Куды тебѣ! Ты ее, Максимъ Ивановичъ, не слушай, она всѣхъ молодыхъ скружила, да надула.

— Слушай ты ее, дуру набитую!

— Ты хороша, модница... Ужь не хвасталась бы... Зачѣмъ съ Патрушевымъ таскаешься?

— Молчи, харя! — и женщина плюнула въ лицо обижавшей ее.

— Ну—ну! Смирно, вшивая команда! — закричалъ имъ одинъ почтальонъ и прибавилъ Максѣ: ты не больно слушай ихъ, что онѣ пасти то разинули. Ишь, какъ ревуть во все горло!

Молодому новичку въ первый же день его вступленія въ должность привелось познакомиться и съ другой бытовой чертой. Приѣхалъ пьяный почтальонъ, потерявшій дорогой пистолеть и саблю. Старшій осыпалъ его площадной руганью и приказалъ отрезвить въ банѣ двадцатью ударами розгъ. Максѣ же пришлось исполнить роль палача.

«Его удивило, что почтмейстеръ пришелъ раздѣлывать почту въ халатѣ и раскричался на одного почтальона.

— Ты пьянъ, мошенникъ!

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше в — ie!

— Старшой, онъ пьянъ?

— Точно такъ-съ!

— Дать ему завтра двѣсти горячихъ.

Почтальонъ былъ дѣйствительно трезвый и повалился въ ноги почтмейстеру, но почтмейстеръ прогналъ его, не отмѣнивъ наказанія».

Битье низшихъ служащихъ и битье самое звѣрское составляло обычное явленіе, и никого не возмущало.

— А меня, братъ, просто измучили, — жаловался отецъ Рѣшетникова, служившій почталіономъ, — такъ избивали, я даже плохо слышать сталъ. Ахъ, какъ меня избивали! Ты не повѣришь, что этотъ почтмейстеръ каждый день топталъ меня ногами, билъ меня въ грудь...

Но вотъ, въ свое время служащій обзаводился семьей. Быть можетъ, тутъ обрѣталъ онъ, измученный дѣтствомъ, истерзанный службой, желанный отдыхъ и покой? Быть можетъ, тихій семейный очагъ, хоть отчасти компенсировалъ тяжесть его служебнаго положенія?

Мы уже видѣли выше какіе нравы царили въ женскомъ обществѣ этой среды, куда ни проникалъ ни одинъ лучъ свѣта и культуры. Семейная жизнь съ такой подругой становилась настоящимъ адомъ. «Женатые почталыоны, сортировщики, служащіе въ судѣ, — свидѣтельствуешь Рѣшетниковъ, — били своихъ женъ, когда захочется и били уже не такъ, какъ мы, бывши ребятами, дрались, а по настоящему. Мужчинѣ все казалось, что жена ему попалась не настоящая, какъ слѣдуетъ. Начинаетъ онъ ругаться съ нею, — ничего не помогаетъ; жена отругивается, въ слезы пускается. Онъ злится, она капризничаетъ. На службѣ его обижаютъ, дома покоя нѣтъ отъ жены и ребятъ. «Да пропади она пропадомъ эта жизнь проклятая!» — восклицаетъ несчастный труженикъ и топить свое горе въ водкѣ.

Самая обстановка семейной жизни была невыносима. Почтовые жили въ общей квартирѣ, и съ утра начинались сцены у печи, гдѣ нѣсколько хозяекъ готовили обѣды. «Сдвинетъ, на примѣръ, Семениха, — читаемъ мы въ повѣсти «Между людьми», горшокъ Иванихи, Иваниха толкаетъ горшокъ Семенихи, третья лѣзетъ пирожки жарить.

— Ты куда?

— А ты куда?

— И подождешь!

— Подожди, тебѣ говорятъ!

— Экая фря! Откуда ты, сволочь, выплыла?

— Тьфу ты, проклятая!

И пойдетъ цапотня. Придутъ мужья.

— Ну-ну! Смирно!

— Не твое дѣло!

— Я вотъ тѣ покажу — не твое дѣло!

— Молчи, ты знай свое дѣло въ конторѣ, а мнѣ не мѣшай!

— А ну васъ, гадинъ, къ лѣшему!

Всѣ такія сцены, конечно, происходили на глазахъ подростящаго поколѣнія.

Немного отрады приносили съ собой и рѣдкіе праздничные дни, какъ, на примѣръ, Новый годъ, когда почтовые служащіе получали наградныя отъ кліентовъ. Для людей, лишенныхъ какого бы то ни было культурнаго вліянія, праздничными раз-

влеченіями являлись только водка и карты. Вотъ какъ рисуется Рѣшетниковъ такой праздникъ.

Въ холостой половинѣ почтальоновъ идетъ картежная игра, конечно, съ возліяніями. Разговоры вертятся около наградныхъ, ругаютъ все и всѣхъ, вспоминаютъ полученные обиды и шлютъ проклятія. Но иногда разговоръ переходитъ и на болѣе отвлеченныя темы.

— А какъ, братцы, по вашему, — интересуется одинъ изъ наиболѣе трезвыхъ, — по вашему, кто честнѣе: полицейскіе, судейскіе или мы?

— Мы, братъ, честнѣе, потому намъ за дѣло даютъ, мы иной разъ ночи не спимъ, да и отирають письмо штука: бросить письмо легко, а тамъ жди».

Но этой мирной философской бесѣдѣ не суждено развиваться: въ стѣну съ семейной половины раздался стукъ палкой и неистовый женскій голосъ:

— Ребятюшки! Уймите вы лѣшаго, убьеть!

Одинъ изъ спавшихъ на лавкѣ почтальоновъ пробудился: «ишь какъ дерутся! Еще въ баню захотѣлось».

Въ холостую вбѣжала женщина; волосы растрепаны, платье изорвано.

— Что я съ нимъ, варнакомъ, стану дѣлать! Кушилъ къ празднику четверть и ту разбилъ... Ахъ, бѣда какая!..

— Ну такъ что?

— Что, чортъ!

Женщина, плюнувъ, убѣжала. Ее освистали и выругали.

А на другой семейной квартирѣ старшій сортировщикъ, прокутившій свои наградныя деньги, является домой.

— Что, опять проигрался? — встрѣчаетъ его супруга.

— Молчи, убью!

— Куда ты часы дѣвалъ?

— Тебѣ сказано или нѣтъ?

— Каплюшникъ ты эдакій! Пьяница!

Сортировщикъ ударилъ свою жену, завязалась драка. Мужъ выгналъ супругу въ одной рубашкѣ изъ дому и заперъ двери на крючекъ. Несчастливая женщина, избитая, съ синяками подъ

глазами забѣжала къ сосѣдкѣ. Та, при видѣ истерзанной женщины, захохотала.

— Съ Новымъ годомъ! Какіе вамъ супругъ фонари сдѣлалъ! Прелестъ!

— Безстыдница вы эдакая!

— А вы пьяница!

— Мерзавка!

— Вонъ отсюда!

На другой день всѣ товарки поздравляли избитую женщину съ обновкой. Дома она отъ мужа получила еще нѣсколько зуботрещинъ, сама искусала мужу плечо, за что онъ отодралъ ее веревкой и написалъ ей билетъ, что она можетъ идти куда угодно. Несчастливая присмирѣла, никуда не шла и молчала два дня, за что мужъ раза по два въ день кормилъ ее зуботрещинами. На третій день оба супруга стали говорить, помирились руганью и для нихъ началась снова такая же жизнь.

Вотъ краски, въ какихъ Рѣшетниковъ изображаетъ быть низовъ Пермскаго общества его времени.

Мрачная картина! Дѣтство безъ любви, среди домашнихъ и школьныхъ побоевъ, бессмысленная зубряжка въ школѣ, ругательства и драки, созерцаніе торговыхъ казней, полное отсутствіе здоровыхъ впечатлѣній, — вотъ подготовка, съ какой пермякъ изъ этой среды вступалъ въ жизнь. А дальше? Грубость служебныхъ нравовъ, цинизмъ женщинъ этого круга, звѣрскіе побои начальства и, какъ вѣнецъ всего — семейное счастье, въ родѣ нарисованнаго выше... И развѣ можно удивляться, что отъ всей этой жизненной каторги человѣкъ совершенно спивался съ кругу, какъ спился несчастный Макся, или отецъ Рѣшетникова?..

III. Низы чиновничьяго міра; нравы духовенства.

Картина не менѣе мрачныхъ тоновъ вырисовывается передъ нами при знакомствѣ съ бытомъ чиновничьихъ низовъ того времени. Здѣсь мы видимъ такое же безрадостное дѣтство, ту же забитость, тѣ же матеріальныя лишенія, грубость нравовъ и отсутствіе всякихъ духовныхъ запросовъ.

Мелкіе канцелярскіе чиновники запуганы начальствомъ до потери всякаго человѣческаго достоинства и видомъ своимъ про-

изводятъ самое удручающее впечатлѣніе. Вотъ, напримѣръ, какъ описываетъ встрѣчу съ этими паріями чиновничьяго міра Рѣшетниковъ, возвратившійся въ Пермь послѣ долгой отлучки: «стали мнѣ попадаться чиновники. Идутъ они, позѣвывая, на службу, идутъ какъ-то нехотя. На желтыхъ лицахъ ни одной улыбки не замѣтишь; но замѣтно въ нихъ только какое-то чиновническое достоинство, уваженіе самимъ къ себѣ: на фуражкѣ кокарда, поступь чиновническая, и сморкаются по чиновнически. Смѣшно видѣть этихъ забытыхъ людей въ то время, когда они идутъ мимо начальническаго дома: видно, что имъ не хочется идти мимо оконъ: трепеть какой-то вдругъ напаль, и зло беретъ. Одинъ своротилъ съ тротуара, пошелъ около стѣны,—хорошо, что окна высоки, можно согнуться; другой идетъ по тротуарамъ, смиренно глядитъ въ окно и держитъ правую руку на готовѣ; третій идетъ за нимъ слѣдомъ въ такомъ же настроеніи; второй прошелъ благополучно, а третьему не посчастливилось; прошелъ мимо одного окна, мимо другого, заглянулъ въ третье — и вмигъ снялъ фуражку, пошатнулся и остунился въ тротуарную дыру... Шла мимо его какая-то торговка съ молокомъ, это ее разсмѣшило: экъ ты, голубчикъ, угораздило! Поди кось ушибся, — не проспался, голубчикъ!».

Посмотримъ теперь этихъ чиновниковъ въ обстановкѣ ихъ службы. Вотъ на выдержку картина судейской канцеляріи, куда попалъ на службу нашъ бытописатель.

«За столомъ въ большой, но грязной комнатѣ сидѣли писцы. Многіе изъ нихъ писали очень скоро, перья сильно скрипѣли, многіе шептались, немногіе перекрикивались. Вонъ всталъ одинъ, сидѣвшій на концѣ стола, взялъ въ губы перо и чуть не бѣгомъ прошелъ къ шкафу, оттуда вытащилъ какое-то дѣло, посмотрѣлъ на него и опять бросилъ въ шкафъ. Къ нему подошелъ высокій служащій и ударилъ по верхушкѣ его головы рукой, предварительно плюнувъ на ладонь; какой-то служащій, смотрѣвшій на это, захихикалъ, а получившій любезность схватилъ за волосы обидчика и такимъ манеромъ притянулъ его къ полу; тотъ вскрикнулъ: «отпусти, чортъ!»... Вонъ, какой-то служащій среди тишины сказалъ на всю канцелярію: «Пичужкинъ, дай табаку».. На это ему отвѣтили сальностью... Вонъ, изъ другой

комнаты выѣжалъ въ шапкѣ и въ пальто долговязый служащій; его остановилъ сидѣвшій на углу: «куда?»... «Хапаты!» — сказалъ служащій въ сѣромъ сюртукѣ, продолжая писать... Вонъ провели арестантовъ, подвели ихъ къ какому-то столоначальнику; тотъ съ одного проситъ за что-то деньги... У дверей въ прихожую какой-то служащій съ листомъ гербовой бумаги беретъ отъ женщины, бѣдно одѣтой, мѣдные деньги.

— Ишь, собака! Много-ли дала? — спрашиваетъ товарищъ у этого служащаго.

— Молчи, корявая рожа! — отвѣчалъ тотъ, считая деньги.

— Будь ты проклять, песь! — сказала рожа.

Счятавшій выручку подскочилъ къ нему и ударилъ его по головѣ линейкой, онъ плюнулъ на ударившаго и попалъ какъ разъ въ лѣвую щеку. Къ нему подошли еще трое служащихъ и, трепля его, приговаривали: «формочка, формочка! усь, усь!». Онъ злился, плевался, ругался, отмахивался линейкой.

До прихода секретаря служащіе ничего не дѣлали, а рассказывали разныя исторіи, сообщали другъ другу разныя свѣдѣнія, бранились и корили другъ друга чѣмъ-нибудь, не обижаясь ругательствами. Приходитъ секретарь, ему кланялись, не вставая со стульевъ и табуретокъ, разбѣгались по своимъ мѣстамъ и начинали писать. Секретарь здоровался за руку съ надсмотрщикомъ, на служащихъ онъ глядѣлъ гордо, вообще держалъ себя по секретарски и говорилъ всѣмъ: «на, перениши! Дай мнѣ такое то дѣло!». Засѣдателямъ отдавали такую же честь, какъ и секретарю, и они тоже здоровались только съ надсмотрщикомъ. При нихъ служащіе уже крѣпко занимались, но держали себя попрежнему вольно. Судья приходилъ въ судъ тихо, но какъ только служащіе завидятъ его въ прихожей, столпившіеся разбѣгутся на свои мѣста, схватываютъ перья и дѣлаютъ видъ, что они пишутъ, или показываютъ, что они чинятъ перья. Незанятые ничѣмъ служащіе тоже держатъ въ рукахъ что-нибудь: или томъ свода, или какую-нибудь бумагу. Въ это время всѣ затишаютъ. Показался въ канцеляріи судья — загремѣли стулья вразъ, вразъ всѣ встали, каждый пошевелилъ губами: «Здравствуйте, молъ!» Судья важно кланяется два раза на обѣ стороны и молча проходитъ въ присутствіе. Случалось, что судья заставлялъ кан-

целярiю врасплохъ; тутъ служащiе терялись: стоявшiе не смѣли идти на свои мѣста, говорившiе на своихъ мѣстахъ точно присѣдали еще ниже. Выходило очень смѣшно. Когда въ присутствiи начинался говоръ, оживлялась и канцелярiя, начинался гвалтъ, крикъ, драка. Выходить секретарь изъ присутствiя и говорить грозно: «тише вы!»... Канцелярiя смолкнетъ, потомъ опять слышны хихиканья и гвалтъ. «Смирно, вы, сволочь!» — кричитъ секретарь... Такъ и проходило время въ судѣ. Каждый служащiй долженъ былъ непременно придти на службу вечеромъ, несмотря ни на какую погоду и разстоянiе. Вечеромъ дѣломъ почти не занимались, потому что начальство само рѣдко жаловало. Время наполнялось разсказами о своей удали, хвастались, какъ разбили стекла въ какомъ-то открытомъ домѣ и какъ надули такую-то дѣвицу за доставленное такому то судейскому ловеласу удовольствiе.

Кадры мелкихъ чиновниковъ наполнялись обыкновенно дѣтьми такихъ же чиновниковъ, и составлялась какъ бы особая каста. На службу поступали, даже не окончивъ курса уѣзднаго училища, кое какъ выучившись писать. Первое время новичекъ служилъ безъ жалованья и занимался только перепискою. «Черезъ два мѣсяца ему даютъ жалованье, и въ это время, постоянно находясь въ обществѣ служащихъ, понемногу усваиваютъ себѣ ихъ приемы и манеры. До этого времени онъ развивался въ своемъ домѣ и въ кругу своихъ товарищей и, конечно, развивался плохо; теперь онъ развивается подъ влiянiемъ приказной братiи. Отъ нихъ онъ ничего не можетъ услышать хорошаго или новаго; ума его они никакъ не разовьютъ обыкновенными и пустыми разговорами. Ему даютъ жалованья три или шесть рублей; онъ старается заниматься прилежнѣе, усидчивѣе для того, чтобы ему прибавили жалованья. Онъ пишетъ цѣлый день строчку за строчкой, выводя какъ можно красивѣе буквы, и все его вниманiе сосредоточено въ этихъ буквахъ, да въ слухѣ, который наполняется словами служащихъ. Онъ не видитъ полезной дѣльной мысли въ работѣ, послѣ нея чувствуетъ усталость, ѣсть, мало говоритъ и все свободное время проводитъ во снѣ, или въ карточной игрѣ. Чѣмъ больше и больше онъ переписываетъ, тѣмъ болѣе у него отпадаетъ охота къ мышленiю; онъ

уже переписываетъ безсознательно, дѣлаетъ ошибки, скоблить бумагу — и еще болѣе тупѣетъ. Въ это время онъ радъ, если ему придется быть въ кругу своихъ товарищей для того, чтобы отвести душу, т. е. выпить водки. Это желаніе до того усиливается, что онъ уже чувствуетъ потребность пить водку, и подъ конецъ становится пьяницей, мучителемъ своей семьи».

Свой скудный бюджетъ канцеляристы должны были волей-неволей пополнять чѣмъ-либо постороннимъ и изыскивать способы существованія. И на какія только хитрости не пускались бѣдняки! Взятничество, конечно, процвѣтало во всю. Но въ отношеніи мелкаго люда взятки не могли быть крупныхъ размѣровъ, и канцеляристы срывали съ кліентовъ двугривенными и четвертаками. Въ ходу было устройство лотерей, причемъ, разыгрывалась какая-нибудь дрянъ, и подписавшіеся должны были являться на квартиру хозяина часто со своей волкой и закуской. Одна изъ такихъ лотерей подробно описана Рѣшетниковымъ въ рассказѣ того же названія. Сцены этого рассказа живо рисуютъ нравы чиновничьихъ низовъ, всю тупость, пошлость и темноту среды. Ни одного свѣтлаго луча не проникало сюда, и канцеляристы по своему умственному развитію недалеко ушли отъ мелкихъ служащихъ, а потому знакомство съ бытомъ и нравами послѣднихъ даютъ намъ полное представленіе о нравахъ низшей чиновничьей среды старой Перми.

Не лучше были и нравы духовенства того времени. Описанію духовнаго быта Рѣшетниковымъ посвящены два большихъ произведенія: «Ставленникъ» и «Никола Знаменскій». Мы здѣсь не коснемся энической личности пона «Миколы», который могъ существовать только въ глуши, среди инородцевъ, но воспроизведемъ нѣсколько сценъ изъ «Ставленника», рисующихъ намъ нравы духовенства и взгляды на него въ самой Перми.

Передъ нами консисторія. Въ ея коридорѣ шумъ невообразимый. Набилось челоуѣкъ двадцать духовныхъ особъ разнаго ранга — отъ протопопа до псаломѣвца включительно. Въ канцелярію еще не пускаютъ. Сторожъ въ военной формѣ важно сидитъ на диванѣ и, посматривая то на того, то на другого, ухмыляется.

А братія ведетъ разговоры о доходныхъ мѣстахъ, о томъ, что народъ нынѣ развратился и плохо оплачиваетъ трудъ духовныхъ. Попы ведутъ себя болѣе степенно, дьякона и дьячки кричатъ.

— Ну-ка, отецъ дьяконъ, дайко-сь табачку понюхать!

— Маловато.

— Ну, ну, нечего отпѣкиваться-то! У тебя, я знаю, хорошее, вѣдь, мѣсто.

— Вотъ за это слово я тебѣ и не дамъ. Шишь получишь! — и дьяконъ отходитъ прочь.

— Да что это, Господи помилуй, какъ долго? — говорятъ человѣкъ шесть.

— Эй, сторожъ, впусти! — проситъ сторожа священникъ.

— Пущать не велѣно.

— Какъ не велѣно?

— Не велѣно, и все тутъ.

Протопопы ушли въ канцелярію. За ними пошли и священники. Сторожъ вмгъ подбѣжалъ къ дверямъ и сталъ посреди ихъ.

— Отчего ты не пускаешь?

— Не велѣно.

— Почему?

— Говорятъ, много всякихъ шляется. Отцомъ Антономъ не приказано. Вонъ тутъ надпись была приклеена, да изъ вашей братьи кто-то оборвалъ.

— Ты намъ когонибудь пошли оттуда.

— Кого я пошлю! Вонъ столоначальникъ-то Гавриловъ три сутки безъ просыпа пьетъ и дома, что есть не живетъ, ищи его — съ семью собаками не отыщешь.

Дальше мы узнаемъ, что сторожъ въ консисторіи важное лицо, а простые писцы — тѣ прямо недоступны. Сторожу требуется взятка въ 20 к., а къ писцу, чтобы вывѣдать что-нибудь, безъ полтины и не подходитъ.

На этотъ разъ въ коридоръ вышелъ писецъ. Всѣ обступили его. Одинъ изъ духовныхъ спрашиваетъ о чемъ-то. Писецъ безъ взятки не желаетъ ему отвѣчать. Это возмутило одного изъ дьяконовъ, страдающаго, видимо, муками похмѣлья. Въ нечесаной бородѣ этого отца присохла яичная скорлупа и другіе остатки

отъ вчерашней трапезы. Угаръ не прошелъ, и онъ храбро указываетъ писцу, что тотъ долженъ дать справку.

— Не ваше дѣло! — обрѣзываетъ писецъ.

— А владыку знаешь? — вызывающе выкрикиваетъ ряса.

— Сторожъ, выгони этого пьянаго! — закричалъ писецъ и ушелъ въ канцелярію.

Дьякона, при общемъ хохотѣ и содѣйствіи, вытолкали въ шею.

А меньшая братія тутъ же развлекается по своему. Вонъ, одинъ дьячокъ схватилъ за носъ пономаря; пономарь вскричалъ и въ свою очередь ударилъ дьячка подъ мекитки, что вызвало всеобщій смѣхъ. Въ другомъ углу подрясниковый уснулъ на диванѣ.

— Братцы, смотрите!

— Ахъ, онъ песъ!

Снова всѣ хохочутъ.

— Надѣньте на него бумажный колпакъ.

Одинъ разудалый дьячекъ стащилъ со снѣга сапоги...

Уже эти, взятые безъ выбора сцены, съ достаточной ясностью рисуютъ тотъ классъ, на обязанности котораго въ старой Перми лежала высокая и святая задача попеченія о народной нравственности и духовныхъ сторонахъ народной жизни...

IV. Губернскій Олимпъ.

Итакъ, картина быта и нравовъ низовъ и даже духовенства старой Перми получается довольно безотрадная. Быть можетъ, духовные запросы сосредоточивались въ верхахъ Пермскаго общества, въ средѣ тѣхъ правящихъ и привилегированныхъ классовъ, которые въ произведеніяхъ Рѣшетникова объединяются словомъ «аристократія»? Вѣдь, эта аристократія, — будемъ придерживаться терминологіи нашего бытописателя, — являлась элементомъ, руководящимъ и направляющимъ жизнь и въ распоряженіи ея имѣлись и средства и возможность культурнаго воздѣйствія на населеніе и на лицъ подчиненныхъ, участь которыхъ всецѣло была въ ея рукахъ.

Бросимъ же бѣглый взглядъ на этотъ дирижирующій классъ.

На верху губернскаго Олимпа стоялъ, какъ водится, губернаторъ. Онъ, — свидѣтельствуетъ Рѣшетниковъ, — не любилъ моло-

дыхъ людей, трусилъ ихъ почему-то и даже хотѣлъ закрыть единственную въ то время библіотеку, которая кое-какъ составила среди служащихъ казенной палаты. Но существованіе этой жалкой библіотеки удалось отстоять предсѣдателю палаты. Замѣтимъ здѣсь, кстати, что библіотека эта для палатскихъ чиновниковъ служила курительной комнатою, и чиновники уже поговаривали, что не худо было бы здѣсь завести и буфетъ съ водкой. Такимъ образомъ, опаснаго на умы вліянія отъ библіотеки, состоящей къ тому же изъ разрозненныхъ журналовъ и дрянныхъ книжекъ, не предвидѣлось. Но, видимо, въ понятіи губернатора самое собраніе книгъ ассоціировалось съ чѣмъ-то враждебнымъ и преступнымъ.

Предсѣдатель казенной палаты считался человѣкомъ по тому времени передовымъ и просвѣщеннымъ. Столь лестную репутацію онъ заслужилъ, во-первыхъ, потому, что содѣйствовалъ учрежденію при палатѣ библіотеки, а главнымъ образомъ изъ-за своей страсти къ проектамъ. Съ совѣтниками палаты онъ былъ на ножахъ, такъ какъ считалъ ихъ глупѣе себя. Но предсѣдатель не пользовался расположеніемъ служащихъ, и вотъ какъ рисуетъ Рѣшетниковъ этого виднаго представителя власти: «его не любили за то, что онъ мучилъ хорошихъ переписчиковъ, ругалъ писцовъ, столоначальниковъ и сторожей, и вообще со всѣми, даже съ секретаремъ, обращался: «эй, ты!». Но при всемъ этомъ онъ хотѣлъ сдѣлать служащимъ много полезнаго, только это полезное выходило у него въ грубой формѣ. Сидитъ онъ въ своемъ кабинетѣ и вдругъ призываетъ секретаря: «эй ты, какъ тебя? Ну, напиши мнѣ проектъ... такого рода, какъ бы тебѣ сказать?... Ну, однимъ словомъ, я хочу устроить, чтобы чиновники сшили себѣ платье дешевле... Да живо, поняль»?.. Скажетъ секретарь: «поняль», и выйдетъ растерявшись. Сядетъ онъ на свое мѣсто и начнетъ думать. Члены пристають къ нему съ разными посторонними вопросами, а онъ боится позабыть, что ему говорилъ предсѣдатель. Члены подсмѣиваются.

— Что, каково?

— Ахъ, отстаньте!

— Что онъ опять?

— Да вотъ каку-то чуху выдумалъ: платье шить хочетъ.

Члены хохочуть.

— Кому?

— Чортъ его знаетъ кому... Ничего не понять.

Пойдетъ несчастный секретарь въ архивъ—нѣтъ ли тамъ какихъ-либо подходящихъ дѣлъ. Архивариусъ ничего не знаетъ и говоритъ: «бери хоть всё дѣла, чортъ съ ними, а я почему знаю, какія такія у меня дѣла и гдѣ какое лежитъ»... Начинаетъ секретарь рыться въ законахъ и ничего не находитъ. А такихъ проектовъ председатель много заказывалъ, и одни изъ нихъ или забывались председателемъ, или сочинялись съ общей помощью черезъ годъ».

Таковъ былъ типъ прогрессиста. А вотъ олимпіецъ стараго закала, который уже никакихъ проектовъ сочинять не будетъ—это судья. Человѣкъ онъ важный и, какъ сообщаетъ авторъ, родня правителю канцелярии губернской, нигдѣ не кончившій курса. Приходилъ онъ на службу въ первомъ часу и выходилъ въ три. По приходѣ начиналъ разговаривать съ заседателями о карточной игрѣ цѣлый часъ, потомъ начиналъ распечатывать пакеты. Онъ читалъ только предписанія и указы начальства и на всѣхъ бумагахъ писалъ число и мѣсяць. Это продолжалось тоже часъ. Остальное время онъ употреблялъ на подписываніе журналовъ, бумагъ и протоколовъ относительно числа розогъ и плетей. Обыкновенно секретарь на поляхъ помѣчалъ отъ 30 до 40 розогъ, или отъ трехъ до шести мѣсяцевъ, а судья писалъ: «тридцатью пятью ударами», «на четыре мѣсяца». Доклады онъ не читалъ, а спрашивалъ секретаря:

— О чемъ это докладъ?

Тотъ объяснялъ.

— Ну, какъ по вашему?

— Да, надо въ Сибирь сослать.

— Экіе каналы! Не живется имъ на одномъ мѣстѣ. Валийте въ Сибирь, а тамъ палата разбереть.

До положенія служащихъ судья не касался и считалъ ихъ за чернорабочихъ людей. Онъ только опредѣлялъ и увольнял ихъ и зналъ однихъ столоначальниковъ.

Недурень въ своемъ родѣ былъ и губернской казначей. Вотъ маленькая сценка, обрисовывающая его во всемъ велико-

лѣніи: «мнѣ посовѣтовали, — сообщаетъ Рѣшетниковъ, — попросить мѣсто въ казначействѣ. Являюсь. Губернскій казначей встрѣтилъ меня окрикомъ:

— Что тебѣ надо?

Я подалъ ему докладную записку. Онъ прочиталъ.

— Вакансій нѣтъ, убирайся! Только мѣшаете чаю пить.

— Я вамъ заплачу.

— Ну?

— Сколько прикажете?

— Двадцать пять рублей, только позаниматься нужно съ недѣлю на испытаніи.

— Я не могу теперь дать, потому что у меня всего три рубля.

Губернскій казначей повернулся и вскричалъ:

— Гаврило, проводи вотъ этого!

Я полагаю, что достаточно уже приведенныхъ выдержекъ для составленія полнаго понятія о нравахъ губернскаго Олимпа. Полагаю также, что нечего распространяться о культурномъ воздѣйствіи подобныхъ субъектовъ. Картины, нарисованныя нашимъ бытописателемъ, говорятъ краснорѣчивѣе разсужденій и дѣлаютъ излишними всякія комментаріи.

V. Пермскій прогрессъ.

Но неужели же до Перми время Рѣшетникова не дошли отзвуки той эпохи великихъ реформъ, которые переживали тогда не только центры Россіи, но и ея периферіи? Неужели же прогрессъ, такъ широко нахлынувшій на нашу родину, не дospelъ до снѣщей Перми? Вѣдь не могла же она, какъ бы ни была отстала, остаться безучастной, если и не къ умственному пробужденію, то хоть къ тѣмъ великимъ преобразованіямъ, которыя, помимо желанія и воли пермяковъ, все же врывались въ ихъ жизнь и въ корни измѣняли ее!

О, да — и реформы, и прогрессъ, конечно, докатились въ свою очередь и до Перми, но здѣсь, преломляясь въ сферѣ ея бытовыхъ условій, они приняли уродливыя и каррикатурныя формы и, поэтому, новыя вѣянія Рѣшетниковъ вездѣ характери-

зуетъ словомъ «прогрессъ», употребляя этотъ терминъ въ историческомъ смыслѣ.

Первое впечатлѣніе, вызванное реформами, было впечатлѣніе испуга. Представители дореформенныхъ учреждений, десятилѣтіями сроднившіеся съ установленнымъ порядкомъ вещей, испугались, растерялись. Они просто не могли усвоить мысли, что могутъ быть поколеблены тѣ устои, на которыхъ, по ихъ понятію, зиждилось благополучіе всей русской жизни. Вотъ, напримеръ, бесѣды чиновниковъ по поводу слуховъ о реформѣ суда. Старозавѣтный судья выходитъ изъ себя и доказываетъ всю нелѣпность такого преобразования. «Это все прогрессисты баламутятъ народъ!—въ безсильной злобѣ кричитъ онъ,—они не понимаютъ, съ какимъ народомъ приходится имѣть дѣло. Повѣрьте, гласный судъ—только фраза. Правила выпущены прогрессистами для развращенія молодежи. Я бесѣдовалъ съ правителемъ губернской канцеляріи, онъ говоритъ, что гласнаго суда не будетъ; это, просто, хотѣли испугать». Почтмейстеръ язвительно опонируетъ ему и сообщаетъ, что получилъ изъ Петербурга отъ сына извѣстіе, что гласный судъ будетъ. Судья свирѣпствуетъ еще пуще: «Вретъ вашъ сынъ! Въ сумасшедшій домъ его надо вмѣстѣ со всѣми прогрессистами».

Низшіе судейскіе чиновники реагировали на слухъ о реформѣ суда еще болѣе яростно.

— Скажи ты мнѣ,—вопросилъ автора мелкій судейскій,— что это за штука гласный судъ? По славянски гласъ значитъ глаголь, да какъ же примѣнить этотъ глаголь къ нашему суду: судъ глаголь, что-ли? А мѣстоименіе-то кто?

Этотъ глубокомысленный разговоръ происходилъ въ саду за водкой.

— Гласное судопроизводство, — вмѣшался третій собесѣдникъ,— это значитъ, будутъ рѣшать дѣла безъ перьевъ и бумаги.

— Ты не болтай, пустомеля! Это невозможно. Ну, какъ безъ бумаги? Да тогда будетъ большой подрывъ бумажнымъ фабрикамъ. Объ этомъ-то ты подумалъ ли, лысая башка?

— Тогда всякій можетъ приходить въ судъ даромъ и будетъ знать, за что судятъ человѣка.

— О, о! Такъ вотъ я и выдалъ канцелярскую тайну! Да если мнѣ прибавятъ тогда больше жалованья, я за тайну меньше тысячи не возьму — дудки!.. Нѣтъ, гласнаго суда не будетъ!

— Почему?

— Я сказалъ — и баста! Не будетъ!.. Не посмѣютъ.

— Да, вѣдь, воля вышла же.

— То воля, тамъ мужичье; а то судъ, гдѣ участь людскую рѣшаютъ. И поколебать такую твердыню невозможно.

— Возможно.

— Невозможно!

Судейскій съ яростью вскочилъ, схватилъ въ руку бутылку и разогналъ собесѣдниковъ.

Но Пермь дала не однихъ только враговъ прогресса, явились и горячіе его защитники и апологеты. Таковыхъ можно раздѣлить на три группы. Къ первой относились истинные друзья реформъ, люди честные, увлекающіеся, но наивные и смѣшные въ своемъ увлеченіи. Такихъ было меньшинство. Вторая группа, самая многочисленная, состояла изъ людей, которые во всѣ времена прилѣпляются ко всякой новой идеѣ, носятъ съ нею всюду, кричатъ, неистовствуютъ и, по обыкновенію такъ опошляютъ эту идею, такъ изгаживаютъ, что отъ ея существа и помину не остается. Сдѣлавъ свое дѣло, эти люди вновь присматриваются, принохиваются и подхватываютъ налету новую идею и съ ней совершаютъ тотъ же процессъ опошленія. Наконецъ, къ третьей группѣ относились дѣльцы, практическіе люди, чутьемъ угадывающіе будущее торжество новыхъ вѣяній и подѣсьбною прогресса великолѣпно обдѣлывающіе свои житейскія дѣлишки.

Съ новыми вѣяніями и со словомъ «прогрессъ» особенно носились дамы и даже основали кружокъ, который слылъ подѣсь названіемъ «ученой академіи». Одна изъ такихъ дамъ уцѣпилась за Рѣшетникова, когда онъ, уже получивъ литературное имя, явился въ свой родной городъ.

— Ходите, пожалуйста, къ намъ, — тараторила она, — здѣсь все общество гадкое и страшные сплетники. Мы прогрессисты, учеными предметами занимаемся. А вы гдѣ служите?

— То есть какъ служу? — удивился писатель.

— Въ какомъ журналѣ?

Рѣшетниковъ объяснилъ.

— Ахъ! Вы читали «Тысячу душъ»?

— Читалъ.

— Превосходный романъ, единственный въ своемъ родѣ! Вы не знаете гдѣ бы достать Бѣлинскаго? Всѣ прогрессисты его читаютъ, а у насъ нѣту...

Увлечение естествознаніемъ также не обошло дамъ изъ разряда «прогрессистокъ». Вотъ разговоръ на балу такой прогрессистки съ мѣстнымъ докторомъ:

— Вы прогрессистъ?

— Трижды прогрессистъ и люблю васъ всей душой!

— А гдѣ душа?

— Душа есть... отправление мозговой дѣятельности.

— Неправда! Я ученѣ васъ: душа есть легкія и сидитъ... сидитъ въ уголкѣ легкиехъ.

Прогрессисты мужского пола вели свои ученые дебаты за вышивкой и зеленымъ столомъ. «Отъ этой академіи, — пишетъ Рѣшетниковъ, — я узналъ такое правило: если человѣкъ не играть въ карты, онъ, значить, бѣдный и въ то же время опасный человѣкъ, если же онъ не пьетъ водки, то, значить, пренебрегаетъ людьми. Тутъ же обсуждался вопросъ о томъ, кто благороднѣе: мужикъ или образованный? И большинство голосовъ оставалось на томъ мнѣніи, что образованный благороднѣе, а мужикъ тогда будетъ благороднымъ, когда его назовутъ коллежскимъ регистраторомъ. Ученые споры постоянно заканчивались или ссорами, или упреками».

Во время увлеченія прогрессомъ въ Перми открылась общественная библіотека, получившая свое начало отъ библіотеки служащихъ казенной палаты, которую раньше хотѣлъ было уничтожить губернаторъ. Тутъ же статистическимъ комитетомъ былъ открытъ минералогическій и сельско-хозяйственный музей, т. е. были собраны кое какіе минералы и хлѣбные злаки. Музеемъ завѣдывалъ тотъ же библіотекарь.

«Осмотрѣлъ я библіотеку — сообщаетъ Рѣшетниковъ — старыхъ, ни для кого ненужныхъ книгъ въ ней большинство. Прихо-

дить при мнѣ маленькій чиновникъ казенной палаты. Просить новыхъ журналовъ.

— Максимъ Максимовичъ не велѣлъ давать, — отвѣтили ему. Чиновникъ ушелъ. Пришелъ какой-то сторожъ съ запиской. Я заглянулъ въ билетъ — вижу совѣтникъ палаты. Сторожу дали неразрѣзанную книгу. Я указалъ библіотекарю на такую несправедливость.

— Чиновнику не за что давать книгъ, да онъ и не стоитъ, можетъ подождать, а совѣтникъ... Онъ не договорилъ».

Въ такомъ видѣ отразился прогрессъ въ старой Перми, и не даромъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ комедіи Рѣшетникова «Прогрессъ въ уѣздномъ городѣ», именно, Павловъ, ловкій дѣлецъ, сумѣвшій присосаться къ новымъ вѣяніямъ, восклицаетъ: «О прогрессъ, прогрессъ! Какъ ты исковеркалъ нашу святую Русь. Все старое такъ и летитъ къ чорту. Теперь верхъ взяло молодое поколѣніе. Но прогрессъ хорошъ только для насъ, а вотъ худо, что за настоящими прогрессистами потянулись самоучки, приказные, мѣщане, за ними лакеи, а за лакеями мужики... Но, дудки! Мы укажемъ имъ настоящее мѣсто!»

И неудивительно, что при такомъ умственномъ уровнѣ Пермскаго общества въ вѣкъ реформъ и прогресса въ нашемъ городѣ происходятъ событія, передъ которыми блѣднѣютъ даже дѣянія глуповцевъ. Въ то время, когда культурная Россія жадно стремится къ знанію, когда въ столицахъ университетскія аудитории, открытыя для всѣхъ желающихъ, буквально не вмѣщаютъ публику, когда литература достигаетъ своего расцвѣта и когда на вопросъ — созрѣли мы или нѣтъ — гордо дается положительный отвѣтъ, въ это время умственного пробужденія націи наши пермяки по предписанію своего начальства ловятъ въ Камѣ.. чорта!

И это не шутка, а истинное происшествіе. Дѣло въ томъ, что около Перми въ рѣкѣ появилась бѣлуга, причинившая не мало бѣды. Она рвала невода и громко кричала по утрамъ. Пермяки были увѣрены, что тутъ дѣло не чисто.

— Нарядить слѣдствіе, — горячились законники.

— Да кого искать-то? Рыбаки отказываются рыбу ловить... Безъ рыбы, пожалуй, насидимся.

Думало, думало объ этомъ предметѣ начальство и окончательно спуталось: одинъ посовѣтовалъ доложить губернатору, — его всѣ называли аспидомъ за то, что сказать губернатору, значить, выдать себя въ непониманіи законовъ и вообще своихъ обязанностей; другой посовѣтовалъ попросить владыку освятить рѣку, этого обругали на томъ основаніи, что безъ согласія губернатора владыко не согласится; третій почему то говорилъ: надо посовѣтоваться съ директоромъ гимназіи. На такого всѣ поднялись: какъ? Вы директора гимназіи ставите старше насъ? Такъ и рѣшили: предписать земскому суду произвести слѣдствіе. А земскому суду на руку: цѣлую недѣлю слѣдователи бражничали на берегу рѣки и наловили много рыбы. Въ протоколѣ слѣдователей было сообщено, что по ночамъ они видѣли въ рѣкѣ что-то брыкающееся, похожее на ехидну, и что это чудовище частовременно приближается къ берегу и, разѣвая пасть, жалобно визжитъ. На основаніи этого слѣдователи предлагали учредить постоянную вооруженную стражу».

И вотъ въ одно прекрасное утро представитель полицейской власти рапортуетъ своему начальству:

— Въ рѣкѣ чортъ-съ!

Начальство выпучило глаза.

Вся эта исторія закончилась только послѣ поимки бѣлуги, которую пермяки раскупили у рыбаковъ и скушали до косточекъ.

VI. Аналогія и выводы.

Хотя я не использовалъ и половины того богатаго бытового матеріала, который даютъ намъ произведенія Рѣшетникова, но полагаю, что достаточно и приведеннаго, чтобы возстановить картину жизни старой Перми. Составленная мною безъ особаго выбора мозаика сценъ воспроизводитъ бытъ захолустнаго губернскаго города, обойденнаго цивилизаціей и культурой. И картина, нарисованная правдивымъ бытописателемъ этими отдѣльными сценами, быть можетъ, иногда грубыми, но всегда точными, — получается до того кошмарной и дикой, что современникъ выравъ воскликнуть: да неужели все это похоже на правду и неужели такъ жила Пермь отцовъ и дѣдовъ нашихъ?

Да, все это правда, и такова была жизнь старой Перми, и не погрѣшилъ здѣсь противъ истины нашъ бытописатель, ибо ложь была не свойственна его простой и честной натурѣ, а природа дала ему даръ фотографа-наблюдателя, и точно зафиксировалъ онъ грубую правду жизни со всѣмъ ея убожествомъ, бѣдностью и дикостью...

И теперь, сравнивая прошедшее, отдаленное отъ насъ лишь на одно, много на два поколѣнія, не вправѣ ли мы воскликнуть словами Грибоѣдова:

„Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!“

Контрастъ здѣсь необъятно великъ. Какъ далеко шагнула жизнь даже въ области общественнаго благоустройства, въ области техники! Вѣдь, если бы жителямъ Перми разсматриваемой эпохи сообщить о тѣхъ условіяхъ, въ какихъ мы живемъ въ настоящее время, сообщить объ одѣтой въ гранитъ набережной, по которой несутся поѣзда, въ двое сутокъ доставляющіе пермяковъ до Петербурга, о пływучихъ отеляхъ-пароходахъ со всѣмъ ихъ благоустройствомъ, величественно бороздящихъ воды красавицы Камы, объ электрическомъ освѣщеніи города, благодаря чему ночь обращается въ день, о чудныхъ машинахъ, изъ металлической глотки которыхъ раздается музыка и пѣніе лучшихъ артистовъ, о театрахъ, гдѣ на полотнѣ появляются движущіяся фигуры, и воспроизводятся свѣжія событія всѣхъ странъ міра, о бібліотекахъ, музеяхъ, школахъ, покрывшихъ всю Пермь и сдѣлавшихъ знаніе доступнымъ каждому, о летающемъ надъ Пермью человѣкѣ на хитрой машинѣ, словомъ, — если бы мы стали увѣрять Пермскихъ современниковъ Рѣшетникова, что среди такихъ чудесныхъ условій будутъ проживать ихъ дѣти, то, я думаю, пермяки или обругали бы насъ, или же, въ лучшемъ случаѣ, съ иронической улыбкой пожали плечами.

И уже, конечно, нарисованная картина настоящаго показалась бы нашимъ дѣдамъ и отцамъ куда фантастичнѣе утопій Уэллса...

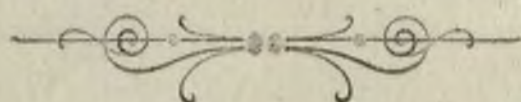
А, вѣдь, всѣ эти чудеса — совершившійся фактъ, и гений человѣка готовитъ въ будущемъ, несомнѣнно, еще большія чудеса.

Но не въ этихъ техническихъ завоеваніяхъ преимущество новой Перми передъ старой.

Мы видѣли, какъ низко котировалась въ старой Перми самая большая цѣнность нашей жизни — человѣческое достоинство. Мы видѣли, какъ много было тамъ униженныхъ и оскорбленныхъ, и какъ легко тамъ высшіе унижали и оскорбляли низшихъ, и такой порядокъ вещей никого не возмущалъ, составляя бытовую черту.

Много темнаго и отрицательнаго въ современномъ обществѣ, социальное зло у насъ очень велико, но никто не будетъ отрицать, что нашимъ поколѣніемъ приобрѣтена и великая моральная цѣнность, во много разъ превышающая всѣ завоеванія техники, и выражающаяся въ словахъ—освобожденіе личности. Нельзя нынѣ безнаказанно попирать личность человѣка, на какой бы низкой ступени общественной лѣстницы онъ ни стоялъ. Нельзя третировать человѣка такъ, какъ третировали его въ старой Перми. Нельзя потому, что въ сознаніи общества выросло понятіе о человѣческомъ достоинствѣ, и унижить своего ближняго, значить, унижить самого себя.

И если на одну чашу вѣсовъ положить только это моральное завоеваніе нашего вѣка, а на другую всѣ отрицательныя и темныя стороны жизни, то, я вѣрю, первая чаша все же перетянетъ вторую. Ибо нѣтъ ничего выше и святѣе добытой и выстраданной нами истины,—что «человѣкъ это звучитъ гордо!». И какъ ни тяжела, какъ ни кошмарна переживаемая нами общественная пауза, мы все же знаемъ и видимъ мерцающіе въ далекой дали огни... Жизнь то ускоряетъ свое поступательное движеніе, то замедляетъ его, но никогда не останавливается; она вѣчно эволюционируетъ, и какъ бы ни казалась безпросвѣтна и неподвижна намъ современность, все же законы эволюціи гласятъ, что завтрашній день будетъ великолѣпнѣе вчерашняго, а если это такъ, то несомнѣнно и то, что Пермь дѣтей нашихъ будетъ также далека отъ нашей Перми, какъ наша Пермь далека отъ Перми отцовъ нашихъ...

А. А. Димитріевъ

Александръ Алексѣевичъ Димитріевъ.

А. А. Димитріевъ, какъ авторъ „Пермской старины“.

„Намъ дороги листы лишь пожелтѣвшихъ книгъ,
Столѣтній срокъ намъ нуженъ всюду“...

Танъ.

Въ то время когда мы, обыватели Пермской губерніи, жили въ сферѣ нашихъ интересовъ: писали бумаги въ разныхъ присутствіяхъ, учили подрастающее поколѣніе въ учебныхъ заведеніяхъ, занимались торговыми операціями, словомъ, отправляли наши жизненные функціи, — въ то время мимо насъ тихо и незамѣтно прошелъ одинъ человѣкъ. Вся жизнь этого скромнаго человѣка была посвящена одной идеѣ и среди нашей жизненной суетлоки, среди вороха обывательскихъ мелочей, онъ неуклонно служилъ этой идеѣ. И когда онъ жилъ среди насъ, мы не обращали на него никакого вниманія и та работа, которой онъ отдавалъ свои силы, время свое, скромныя средства свои, — насъ, обывателей, нисколько не заинтересовала и не занимала, какъ выходящая за предѣлы нашихъ узкихъ интересовъ. Тихо и незамѣтно сошелъ съ жизненной сцены этотъ скромный человѣкъ, неоцѣненный въ надлежащей степени еще и въ настоящее время.

Онъ умеръ, но живо его богатое наслѣдіе, въ которомъ несомнѣнно разберутся и которое оцѣнятъ по достоинству.

Этотъ скромный и неоцѣненный нами труженикъ, — Александръ Алексѣевичъ Димитріевъ; наслѣдіе, которое онъ намъ оставилъ, — это 8 выпусковъ его «Пермской старины».

«Пермская старина» представляетъ изъ себя обширный, вполне исторически обработанный, трудъ, совершенный однимъ лицомъ, употребившимъ на него около 20 лѣтъ. Но несмотря на такой громадный промежутокъ времени авторъ свою исторію довелъ только до 18-го столѣтія. Много явилось серьезныхъ при-

чинъ, помѣшавшихъ автору довести свою работу до конца. Но объ этихъ причинахъ я скажу ниже, а теперь остановлю немного вниманіе читателя на самомъ трудѣ.

Прежде всего является вопросъ: что такое представляетъ изъ себя «Пермская старина» въ научномъ отношеніи? Многое, «Пермская старина» есть стройный, критически обоснованный выводъ, тѣхъ отрывочныхъ историческихъ данныхъ и тѣхъ документовъ, которые до разработки и освѣщенія ихъ Александромъ Алексѣевичемъ представляли изъ себя хаотически разбросанные и мало говорящіе обломки памятниковъ исторіи нашего края. Были попытки собиранія этихъ документовъ воедино, хотя бы въ хронологическомъ порядкѣ, но въ этомъ видѣ онѣ представляли изъ себя лишь громоздкій, мало говорящій интересующемуся исторіей края лицу матеріалъ. Кромѣ того и хронологическій порядокъ не всегда согласовался съ истиной, нередко документы являлись анохронизмами и не могли освѣтить тотъ или иной историческій фактъ. Была груда сырого матеріала, не разработаннаго, неосвѣщеннаго исторической критикой и не провѣреннаго.

Но вотъ явился умѣлый и добросовѣстный зодчій, сумѣвшій изъ этой неуклюжей, хаотической массы, путемъ кропотливаго, долгаго и добросовѣстнаго труда соорудить то стройное зданіе, на которомъ сдѣлана надпись: «Пермская старина».

Начиная со временъ доисторическихъ, не подкрѣпленныхъ никакими документами, А. А. Димитріевъ шагъ за шагомъ проводитъ сквозь призму исторической критики все міѣнія и данныя о прошлыхъ судьбахъ древней Біарміи. Добросовѣстный изслѣдователь, онъ никогда не поддавался легкому и соблазнительному искушенію обобщенія тѣхъ или иныхъ данныхъ. Преслѣдуя истину, онъ скорѣе готовъ разрушить поэзію древней саги, окружившей таинственнымъ ореоломъ древнюю, великую Біармію. Зато историкъ стоитъ на твердой почвѣ, когда минуетъ легендарную эпоху сагъ, онъ начинаетъ разбираться въ тѣхъ лѣтописяхъ, которыя дошли до насъ отъ періода Новгородской колонизаціи нашего края. Здѣсь изслѣдователь является во всеоружіи и научной подготовки, и упорной работоспособности, и почти фанатичной преданности дѣлу, которому онъ отдается

всей душой. Я не смѣю брать на себя роли критика историческаго труда А. А., это будетъ сдѣлано людьми болѣе меня въ данномъ вопросѣ компетентными; но я считаю себя вправѣ указать на то, что въ этомъ дѣлѣ бросается въ глаза всякому, кто только познакомился, или пожелаетъ познакомиться съ «Пермской стариной». Это—рѣдкая добросовѣстность автора. Какъ уже я упомянулъ, А. А. пришлось имѣть дѣло съ грудой сырого матеріала, передъ которымъ онъ явился съ солидной подготовкой. Менѣе добросовѣстный человѣкъ, имѣющій передъ собой извѣстный планъ, имѣющій готовый трафаретъ историческихъ событій, началъ бы изъ этой груды сырья извлекать лишь то, что служитъ подкрѣпленіемъ его, уже сложившагося взгляда, на исторію края. Онъ не сталъ бы тратить время на скучный и часто безплодный анализъ документовъ, иногда совершенно противорѣчащихъ другъ другу. Онъ просто бы отбросилъ въ сторону тотъ изъ нихъ, который противорѣчитъ его системѣ и цитировалъ бы тотъ, который, напротивъ, блестяще подкрѣпляетъ эту систему. Въ результатѣ бы явился стройный законченный трудъ, имѣвшій бы успѣхъ и доставившій бы автору славу. Конечно, слава не была бы вѣчной, историческая истина всплыла бы на свѣтъ Божій, рано или поздно, но все таки такой историкъ искажилъ бы истину на довольно продолжительное время.

Но къ счастью для Пермскаго края, его историкъ не таковъ. Съ великой тщательностью отнесся А. А. къ каждому документу и каждый изъ нихъ подвергъ самому строгому историческому анализу. Въ сомнительныхъ случаяхъ онъ не беретъ на себя окончательнаго выясненія вопроса. Поэтому трудъ его, не украшенный блестками краснорѣчія, во многихъ мѣстахъ носитъ характеръ отрывочности, но зато ни на іоту ни грѣшитъ противъ истины. А это главное требованіе, которое должно быть предъявлено къ историческому изслѣдованію.

Какъ же отнеслось современное интеллигентное общество къ творцу исторіи «Пермскаго Края»? Встрѣтилъ ли этотъ усердный и неутомимый изслѣдователь нравственную поддержку въ окружающей его, такъ называемой, культурной средѣ? Поддержали ли его культурные люди словомъ участія, благодарности, вниманія? Оцѣнили ли культурные люди все значеніе ра-

боты, которой такъ беззавѣтно отдался всею душою этотъ скромный въ жизни человѣкъ? Отвѣтъ на эти глубоко интересные вопросы можно найти въ тѣхъ предисловіяхъ, какими нашъ историкъ снабжалъ свои выпуски «Пермской старины», отъ перваго до восьмого включительно. Первое предисловіе помѣчено 1888 годомъ и послѣднее 1900 годомъ.

Въ этихъ простыхъ и безхитростныхъ строкахъ усматривается цѣлая трагедія, не бросающаяся въ глаза яркостью своихъ красокъ, а потому даже и не примѣтная на поверхностный взглядъ, обывательская трагедія.

Жизнерадостнымъ, съ горячей мечтой послужить своему родному краю, явился Александръ Алексѣевичъ въ 1880 г. въ Пермь въ качествѣ преподавателя исторіи и географіи въ мѣстной мужской гимназіи.

Тотчасъ же приступилъ онъ къ изученію мѣстной исторіи Пермскаго края. Еще на университетской скамьѣ, будучи студентомъ третьяго курса историко-филологическаго факультета Казанскаго университета, А. А. избралъ себѣ спеціальностью русскую исторію и особенно изученіе Новгородскихъ лѣтописей. Въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ университетской жизни, онъ подъ руководствомъ извѣстнаго профессора Корсакова, разработалъ нѣсколько темъ, относящихся къ Новгородскому періоду нашей исторіи. Имъ былъ сдѣланъ «Библиографическій разборъ третьей Новгородской лѣтописи и отношеніе ея къ прочимъ Новгородскимъ и Лаврентьевскимъ лѣтописямъ» и разработана тема «о договорныхъ грамотахъ Новгорода съ великими князьями Тверскими и Московскими». Исполненіе этихъ работъ имѣло важное значеніе для будущаго историка Пермскаго края: здѣсь онъ научился самостоятельно разбираться въ первоисточникахъ, а главное, эта двухгодичная спеціальная работа надъ источниками Новгородской исторіи вполне естественно привела его, уроженца Пермскаго края, къ мысли заняться когда нибудь спеціально исторіей Пермской земли, составлявшей нѣкогда часть обширныхъ Новгородскихъ владѣній и затѣмъ постепенно вошедшей въ составъ земель великихъ государей Московскихъ—сперва въ церковномъ, потомъ и въ гражданско-административномъ отношеніяхъ. На первый разъ обстоятельства для нашего историка сло-

жились благоприятно: судьба доставила ему возможность начать службу в родном крае, где он мог реально осуществить мечту своей юности.

Сам историк в своем предисловии к первому выпуску «Пермской старины» говорит по этому поводу: «я занял это место (преподавателя в мужской гимназии) с радужной надеждой привести в исполнение мою прежнюю студенческую мечту относительно изучения местной истории. Я был более многих других подготовлен к изучению истории именно Пермского края, который при том же, как родной для меня, всегда был особенно близок моему сердцу. С теплой любовью к делу, но не без некоторой робости на первых порах приступал я к изучению родной Пермской старины на месте, в самом средоточии нынешней Пермской земли, благодаря Бога за столь счастливое сочетание обстоятельств моей жизни».

Уже из этих слов видно с какими мыслями и с какой верой в дело приступил А. А. к исполнению поставленной им себе задачи. И мы увидим, что это не были пустые слова и всю свою остальную жизнь этот удивительно простой и скромный человек, посвятив служению идеи, которую он поставил себе целью еще в юношеских годах. Уже на ученической скамье, когда он дал свободного труда «...сквозь магический кристалл еще неясно различал» — и тогда уже лепялась в сердце будущего историка сладкая и безпокойная мечта: написать историю родного края.

Лучшие годы своей жизни он посвятил подготовке к будущему труду, которому беззаветно отдал остальную жизнь. Личность историка неразрывно слилась с его трудом. В нем он находил вдохновение, в нем черпал бодрость и от него же получал порою колючие тернии.

Поселившись в Перми с готовым планом предстоящих научных работ, А. А. прежде всего поспешил свести знакомство с теми людьми, в сердцах которых он мог встретить сочувственный отклик своим замыслам. В то время еще живы были замечательные люди нашего края: Д. Д. Смышляев и Н. К. Чупинь. Оба эти деятеля, имена которых должны быть вписаны золотыми буквами в историю умственного

развитія нашего края, оказали своими трудами огромную поддержку будущему историку. А. А. отмѣчаетъ, что книга Смышляева «Источники и пособія для изученія Пермскаго края» явилась для него настольной книгой. Этихъ двухъ дѣятелей, Смышляева и Чупина, которые должны быть гордостью нашего края, А. А. называетъ своими учителями въ дѣлѣ изученія мѣстной исторіи и ихъ трудамъ онъ посвятилъ цѣлыхъ два года и только съ 1882 года счелъ себя подготовленнымъ для самостоятельныхъ историческихъ работъ.

Но прежде чѣмъ приступить къ самостоятельной работѣ, А. А. составилъ для себя вполне опредѣленный планъ, котораго онъ придерживался потомъ всю жизнь. Онъ не хотѣлъ быть исключительно кабинетнымъ работникомъ, да если бы онъ и рѣшилъ быть таковымъ, то никогда не сдѣлалъ бы того, что онъ сдѣлалъ: въ его распоряженіи не было никакихъ архивовъ, изъ которыхъ онъ могъ бы черпать данныя для своихъ работъ. По зрѣломъ размысленіи онъ рѣшилъ придерживаться экскурсионнаго приѣма изслѣдованій мѣстнаго края. Учительская служба въ этомъ отношеніи представляла ему громадное преимущество: свободное использованіе лѣтняго вѣка.

Въ теченіе первыхъ восьми лѣтъ, вплоть до 1888 г., А. А. посвящаетъ свои вѣкаты экскурсіямъ по уѣздамъ обширной Пермской губерніи. Съ рѣдкой добросовѣстностью и преданностью дѣлу, онъ на мѣстахъ изучаетъ свой родной край, посѣщаетъ всѣ уголки, имѣющіе за собою то или иное историческое прошлое. Онъ старательно собираетъ всѣ письменные памятники старины и въ этомъ отношеніи пожинаетъ богатую жатву: за періодъ первыхъ своихъ экскурсій онъ собралъ такое количество матеріаловъ, что его частный архивъ даетъ ему работы на много лѣтъ и кромѣ того ежегодно пополняетъ новыми поступленіями. «Такъ благодатно, еще, восклицаетъ по этому поводу историкъ, въ Пермской губерніи почва для археографическихъ — изысканій! Была бы только надлежащая къ тому подготовка и личное желаніе потрудиться на этой почвѣ!».

При этомъ надо добавить, что А. А. никогда не обращался за субсидіями ни къ какимъ учрежденіямъ, такъ какъ не желалъ связывать себя никакими обязательствами. Всѣ свои экс-

курсѣи онъ совершалъ на скромныя свои сбереженія отъ скромнаго учительскаго жалованья. Такъ же никогда не обращался онъ ни за какимъ содѣйствіемъ административныхъ властей. «Какъ частный безвластный и безвѣстный любитель,—говорить про себя А. А.,—я одиноко работалъ по мѣстной исторіи — урывками, въ свободное отъ служебныхъ занятій время, а потому какія бы то ни было обязательства меня только угнетали бы нравственно». И въ этомъ онъ былъ совершенно правъ. Можно съ увѣренностью сказать, что только благодаря полной самостоятельности въ своемъ трудѣ и совершенной независимости отъ какого бы то ни было учрежденія, или частнаго лица,—только благодаря этимъ условіямъ могъ А. А. приложить къ своему колоссальному труду, ту систему и ту стройность, которыя придаютъ главную цѣнность его научной работѣ. Въ особенности важно это было въ первые годы его дѣятельности, когда приходилось, главнымъ образомъ, коллекционировать матеріалы и изучать ихъ. Тутъ нужно было время для всесторонняго изученія документовъ, а безъ сомнѣнія, всякая зависимость наложила бы извѣстное нравственное обязательство, какъ можно скорѣе оправдать оказанное довѣріе и въ работу была бы внесена нежелательная поспѣшность. Но этого не было и историкъ не былъ стѣсненъ временемъ для изученія матеріаловъ. Онъ имѣлъ полную возможность разбираться въ нихъ терпѣливо и въ высшей степени тщательно.

Практика показала А. А., что онъ хорошо сдѣлалъ не обращаясь при своихъ экскурсіяхъ къ содѣйствію сильныхъ міра сего. Историкъ изъ опыта узналъ, что этого содѣйствія особенно не любитъ деревня, гдѣ онъ нашелъ немало для себя цѣннаго матеріала и гдѣ онъ убѣдился, что эта деревня является хранилищемъ многихъ полезныхъ для науки данныхъ. «Мнѣ случалось,—свидѣтельствуетъ историкъ,—въ деревнѣ у безграмотныхъ крестьянъ находить поземельные акты XVII столѣтія, представляющіе несомнѣнный интересъ и значеніе для историка Пермскаго края.

Но кромѣ изученія на мѣстахъ Пермской губерніи А. А. въ первые восемь лѣтъ своей дѣятельности предпринимаетъ рядъ поѣздокъ въ Петербургъ, Москву, Новгородъ Великій, Влади-

миръ, Ярославль, Ростовъ и др. города съ цѣлью какъ ознакомленія научныхъ пособій, такъ и историческихъ достопримѣчательностей. «Эти экскурсіи на западъ, говоритъ онъ въ своемъ первомъ предисловіи, — дали мнѣ весьма много свѣдѣній для сравнительнаго изученія памятниковъ русской древности, особенно церковной, и сблизили меня съ людьми одной специальности».

И вотъ плодомъ такой кропотливой добросовѣстной восьмилѣтней работы является первый выпускъ «Пермской старины», который авторъ отдаетъ на судъ общества.

Здѣсь подвергнуты анализу историческо-научной критики всѣ скандинавскія саги и выводы изъ нихъ русскихъ изслѣдователей о мнимомъ величій безслѣдно исчезнувшей Біарміи. Основательно разобралъ А. А. всѣ источники, которые послужили нѣкоторымъ ученымъ фундаментомъ для созданія легенды и которые сказочный вымыселъ внесли въ исторію. При трезвомъ и обстоятельномъ разслѣдованіи историческая истина восторжествовала и сразу рухнулъ тотъ сказочный элементъ, который до сихъ поръ преподносился публикѣ въ видѣ историческихъ изслѣдованій. Въ этомъ же своемъ первомъ выпускѣ историкъ, опираясь уже на письменные памятники, далъ картину положенія земли Пермской въ первый періодъ по завоеваніи ее Великимъ Новгородомъ и подробно прослѣдилъ внѣшнія границы Перми Великой и ея внутреннее административное раздѣленіе съ древнихъ временъ до XVII вѣка.

Такимъ образомъ было заложено основаніе труда и остальные 12 лѣтъ своей жизни А. А. посвятилъ созиданію послѣдующихъ семи выпусковъ «Пермской старины».

Какъ я уже упомянулъ — каждый выпускъ историкъ снабжалъ предисловіемъ. Тонъ перваго предисловія бодрый, жизне-радостный. Каждая строчка его свидѣтельствуетъ о томъ нравственномъ самоудовлетвореніи, которое можетъ испытывать человѣкъ, приступившій, наконецъ, къ осуществленію давно задуманной мечты. Много было потрачено труда, знанія, энергіи, прежде нежели приступлено къ реальному выполненію взлелѣяннаго плана, но все было преодолено и результатъ работы столькихъ лѣтъ, наконецъ, передъ глазами широкой публики, передъ

глазами общества, въ видѣ печатной книги, служащей началомъ цѣлаго ряда такихъ книгъ. Вполнѣ понятно, что теперь то автору дорога и важна нравственная поддержка культурныхъ соотечественниковъ. Ему нужно, ему необходимо слово одобренія, привѣта, сочувствія, какъ необходимо лучъ солнца каждому растенію. Какъ бы не любилъ человѣкъ свою работу, какъ бы ни былъ онъ фанатично преданъ своему дѣлу, но ему весьма важно знать, что работаетъ онъ не въ пустомъ пространствѣ и что есть на свѣтѣ сердца, гдѣ онъ встрѣчаетъ сочувственный откликъ тому, что онъ дѣлаетъ. Такое сочувствіе, вполнѣ понятно, придаетъ ему бодрость, энергію, столь необходимыя для дальнѣйшаго продолженія работы.

Что же встрѣтилъ нашъ историкъ среди своихъ культурныхъ соотечественниковъ, преподнесши имъ свой трудъ? Прослѣдимъ его предисловія въ дальнѣйшихъ выпускахъ и получимъ отвѣтъ.

Уже въ первомъ предисловіи, въ небольшой сноскѣ, напечатанной петитомъ, мы встрѣчаемъ небольшую оговорку, звучащую рѣзкимъ диссонансомъ съ общимъ тономъ предисловія — радостнаго, бодрого. Въ этой небольшой сноскѣ историкъ свидѣтельствуетъ, что его предпріятію «не сочувствуютъ, какъ водится, нѣкоторые жалкіе завистники изъ людей одной со мною профессіи и чиновники Оренбургскаго учебнаго округа. Последнее обстоятельство едва не заставило меня въ 1886 году бросить навсегда неблагодарную учительскую службу и только нравственная связь съ гимназіей, въ которой я и самъ учился, и научные интересы по отношенію къ давно изучаемому мною краю удержали меня отъ такого намѣренія».

Вотъ они первые уколы, о которыхъ хотя и говорится вскользь, уколы, не нарушающіе общаго бодрого настроенія автора, но ѣдкіе и мучительные. И благо, что такіе уколы въ началѣ его дѣятельности не доминировали надъ внѣшними впечатлѣніями жизни, являлись эпизодическими и не потушили энергію человѣка.

Но въ будущемъ нашего историка ожидало гораздо худшее нежели эти первые уколы: его ожидало полное равнодушіе къ его замѣчательному труду со стороны культурныхъ соотече-

ственниковъ, уроженцевъ Пермскаго края, которымъ, казалось, должны быть дороги и близки интересы ихъ родины. На ихъ глазахъ, на протяженіи долгихъ двѣнадцати лѣтъ, созидалась громадная работа, появлялась книга за книгой и прошлыя судьбы ихъ края вырисовывались все яснѣе и яснѣе. И все это совершалось однимъ человѣкомъ, отдавшимъ всю силу, всю жизнь и ея радости этому труду. Но безучастно смотрѣли на эту работу культурные соотечественники и не согрѣли творца ея теплымъ словомъ участія и благодарности. Ибо не умѣли цѣнить культурные люди всей важности такого событія. Ибо культурные люди не придавали цѣны тому, что выходило изъ сферы ихъ обыденныхъ интересовъ...

Проходили годы, а Александръ Алексѣевичъ продолжалъ неуклонно работать надъ исторіей своего края и черезъ извѣстные промежутки времени дѣлалъ выпуски своего труда. За это время въ служебной его дѣятельности происходили нѣкоторыя перемѣны: онъ оставляетъ учительство въ гимназій и переходитъ на службу инспектора народныхъ училищъ въ Соликамскомъ и Пермскомъ уѣздахъ. Этотъ родъ службы даетъ ему еще болѣе возможности изучать родной край и заниматься собираніемъ матеріаловъ на мѣстахъ. Имъ дѣлаются еще болѣе цѣнные пріобрѣтенія и работа его неуклонно подвигается по разъ намѣченному пути.

Но увы! равнодушіе общества, недостатокъ матеріальныхъ средствъ, нападки «жалкихъ завистниковъ» — дѣлаютъ свое дѣло и чѣмъ дальше, тѣмъ предисловія автора выпусковъ «Пермской старины» звучатъ болѣе и болѣе грустно, а въ концѣ концовъ и совершенно пессимистически.

Авторъ свой трудъ издаетъ на собственные скромныя средства и въ предисловіи къ IV выпуску онъ, между прочимъ, говоритъ, «хорошо сознаемъ недостатокъ исторической карты Перми Великой, которую слѣдовало бы приложить въ концѣ перваго тома, но не имѣемъ средствъ на ея изданіе, такъ какъ одно печатаніе 4-хъ выпусковъ было едва посильно для насъ».

А вѣдь эти самыя строки читали, конечно, пермскіе обыватели, а между тѣмъ отзвука на нихъ не было. Какъ хотите, но тутъ скрывается глубокая трагедія. Человѣкъ работаетъ для

пользы, для славы родного края, появляются плоды его трудовъ, онъ самъ указываетъ на недостатокъ матеріальныхъ средствъ, а культурные его соотечественники хранятъ глубокое молчаніе, какъ будто говорится и совершается все это внѣ пространства. Въ какой культурной странѣ возможенъ такой индифферентизмъ! И только разъ встрѣтилъ Александръ Алексѣевичъ признакъ нѣкотораго участія къ своей работѣ со стороны одного изъ соотечественниковъ. Таковымъ оказался, къ стыду культурныхъ людей, извѣстный пароходовладѣлецъ Д. Е. Ржевинъ. Этотъ единственный меценатъ сдѣлалъ матеріальное пожертвованіе «на научныя предпріятія». Авторъ не указываетъ на сумму пожертвованія, но отмѣчаетъ самый фактъ, столь рѣдкій. «Пожертвованіе это для меня дорого тѣмъ, — говоритъ историкъ, — что истекаетъ изъ чистыхъ, безкорыстныхъ побужденій мало знакомаго мнѣ человѣка, беззавѣтно любящаго свой далекій родной край, бывшую Пермь Великую, и свидѣтельствуетъ объ уваженіи къ наукѣ нѣкоторыхъ людей, посвятившихъ себя промышленной дѣятельности и не принадлежащихъ къ какой-либо ученой корпораціи».

Но этотъ примѣръ не вызвалъ подражаній. Историкъ продолжаетъ оставаться все болѣе и болѣе одинокимъ. Горькія чувства начинаютъ подтачивать его существованіе. Съ его пера слетаютъ слова, полныя обиды, но въ то же время слова, въ которыхъ звучитъ непреклонность продолжать работу до конца и, несмотря на всѣ неблагоприятныя условія, идти разъ намѣченнымъ путемъ. Въ предисловіи къ VII-му выпуску авторъ еще разъ подчеркиваетъ, что свое изданіе онъ ведетъ въ далекой провинціи «исключительно на свои ограниченные средства, безъ всякой посторонней поддержки не только матеріальной, но въ послѣднее время и нравственной». Но все же это не мѣшаетъ сказать ему слѣдующія непреклонныя и гордыя слова: «при всей неблагодарности этого черноваго труда, при всѣхъ неблагоприятныхъ условіяхъ для него, я буду продолжать его на пользу родного края до тѣхъ поръ, пока не изсякнетъ послѣдняя къ тому возможность. Пусть со временемъ другіе довершаютъ и совершенствуютъ его!» И эти слова не были только словами. До послѣдней минуты своей трудовой, благородной жизни, Александръ

Алексѣевичъ не покидалъ любимой работы и, можно сказать, умеръ съ перомъ въ рукахъ.

Печальнымъ аккордомъ звучить его предисловіе къ послѣднему выпуску. Историкъ уже чувствуетъ, что это его лебедина пѣсня и глубоко груститъ, что не можетъ допѣть ее до конца. Не его вина, что не выпало на его долю счастья увѣнчать желаннымъ концомъ свой многолѣтній трудъ.

Нельзя безъ глубокаго волненія читать его послѣднее обращеніе къ читателю. «По первоначальному плану, — говоритъ А. А., нами было задумано издать 12 выпусковъ этого сборника, для чего нами и собранъ уже значительный научный матеріалъ, но разныя внѣшнія обстоятельства, особенно матеріальныя затрудненія, полная невозможность одному работать попрежнему на этомъ поприщѣ при отсутствіи какой-либо поддержки побуждаютъ насъ нынѣ отложить на неопредѣленное время продолженіе настоящаго изданія. Удовольствуемся тѣмъ, что и двѣ трети плана намъ удалось, при всѣхъ неблагоприятныхъ условіяхъ, осуществить въ теченіе 12 лѣтъ, а со всѣми подготовительными трудами по собиранію и критической обработкѣ матеріала — почти въ 20 лѣтъ. Мы довольны сознаниемъ, что за это время нашъ небольшой досугъ и таковыя же средства не пропали даромъ для родного края, и что въ эти два десятка лѣтъ сдѣлано нѣчто полезное для него и помимо рядовой службы. Остается выразить искреннее и глубокое пожеланіе, чтобы начатое нами дѣло совсѣмъ не заглохло, а было продолжено другими лицами, поставленными въ болѣе счастливыя условія».

Грустныя предчувствія историка, что придется удовольствоваться уже сдѣланнымъ — не обманули его. Перо выпало изъ ослабѣвшихъ рукъ и трудъ остался незаконченнымъ. Не появилось пока и лица, пожелавшаго посвятить себя окончанію труда незабвеннаго историка и «нѣтъ ему смѣны на славномъ посту!» Въ некрологѣ, помѣщенномъ въ VI выпускѣ «Трудовъ Пермской ученой архивной комиссіи», мы читаемъ слѣдующія строки: «А. А. Димитріевъ скончался 1 іюня 1902 г. въ Перми. Какъ скромно, безшумно провелъ онъ всю свою жизнь, такъ незамѣтно и тихо прошло его погребеніе... Мало кто въ Перми и узналъ своевременно о его кончинѣ... Проводить останки почтен-

наго дѣателя собрались близкіе люди да почитатели его ученой работы. Ни пышности, ни надгробныхъ рѣчей... Это такъ гармонировало со всѣмъ темпомъ, укладомъ и содержаніемъ жизни усопшаго»...

Такъ тихо и незамѣтно сошелъ съ жизненной сцены одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей нашего края. Сошелъ непризнанный и неоцѣненный современниками.

Изданіе Пермскаго Губернскаго Земства.